

Kalina

ДАРЬЯ КАЛИНИНА

ЖАДИНА ПЛАТИТ ДВАЖДЫ

СЕКРЕТЫ
ДАМСКОЙ
ОХОТЫ



Дарья Александровна Калинина
Жадина платит дважды
Серия «Сыщицы-любительницы Мариша и Инна»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119213
Жадина платит дважды: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-19027-9*

Аннотация

Преступления буквально притягивали к себе подружек Дашу и Маришу. Не в том, конечно, смысле, что их тянуло на совершение преступных деяний. Просто они удивительным образом оказывались в нужное время в нужном месте, чтобы стать главными свидетелями. А когда девушки зачастили в парк развлечений, где выступал цирк-шапито, подобные сюрпризы посыпались на них как из рога изобилия. Поздним вечером в цирковом шатре они находят тело знакомой артистки, пронзенное острейшими ножами. На пустынной дорожке парка натыкаются на труп зарезанного режиссера. И это только начало... Но не в характере подруг быть просто свидетелями, пусть и очень ценными для следствия. Они решают посоперничать в славе с самой мисс Марпл... А чем, собственно говоря, они хуже?..

Дарья Калинина

Жади́на платит дважды

На всем скаку всадник вылетел из-за угла средневекового замка, обогнул небольшую группу сражающихся воинов, одетых в новенькие блестящие кольчуги. Воины с удивительной легкостью помахивали огромными мечами. Клинки скрещивались и снова разлетались, не нанося почему-то никаких увечий противнику. Компания, встретившаяся нашему всаднику первой, не являлась исключением, парни были сосредоточенны и агрессивны. Да и все вокруг занимались исключительно тем, чтобы уцелеть самим, но убить противника.

Несколько человек попытались стащить всадника с коня, но им это не удалось. Мужчина ногой отпихнул одного нападающего, треснул по башке второго увесистой палицей, третьему досталось от конских копыт. А всадник поскакал дальше, где возле дверей в замок замерла юная девушка. Увидев всадника на гнедом жеребце, она издала радостный вопль, который слышал еще один человек с внешностью записного злодея.

Его лицо исказила злобная гримаса, и он достал из-за пояса огромный нож.

– Не-е-ет! – закричал всадник, протягивая руку, словно надеясь удержать негодяя.

Но пущенный злодейской рукой нож впился в дверь у самого виска девушки, к счастью, зацепив лишь кончик ее развевающейся фаты; сама же девушка осталась стоять целой и невредимой. Каким-то дьявольским чутьем догадавшись, что его бросок не достиг цели, злодей выругался сквозь стиснутые зубы и достал из-за голенища сапога еще один нож, коварно припасенный в потайном месте. Этот нож, вонзившись в дерево, пригвоздил к нему длинный рукав женского платья. Видя такое дело, злодей побледнел и выхватил из-за пояса ближайшего к нему воина уже его нож, который и полетел в несчастную жертву. Воин, лишившийся ножа, воспринял все произошедшее стоически, лишь проследив взглядом за сверкнувшей сталью.

– О! – выдохнула девушка, когда оказалось, что и этот нож не причинил ей ни малейшего вреда.

Пострадала на этот раз накидка. Но больше убийце не пришлось практиковаться в метании холодного оружия. На всем скаку всадник подлетел к негодю и прыгнул на него. Началась драка.

– Стоп! – раздался властный окрик.

Все, кто находился во дворе средневекового замка, послушно замерли и выжидательно уставились на очень толстого человека в широком бархатном пиджаке с густо усыпанным перхотью воротом.

– Кто-нибудь скажет мне, что мы снимаем? – обратился он с вопросом к безмолвствующей толпе.

– Исторический боевик... – наконец раздался чей-то робкий голос.

– Вот! – обрадовался толстяк. – Вот именно, боевик! А что я вижу? Что я вижу, спрашиваю я вас?

Толпа все так же безмолвствовала.

– Я вижу халтуру! – последовал ответ. – Вот ты, Сергей, – обратился он к воину, у которого злодей позаимствовал нож, – участвуй ты в настоящей средневековой битве феодала, который защищает свой замок от соседа-захватчика, да тебя бы сто раз убили, пока ты тарашился на Никиту. А ты, Никита, неужели не мог втыкать свои ножи поближе к Алине? Поволнительнее для зрителя.

– Куда уж ближе, – подала голос высокая девушка, которую в это время два ассистента отцепляли от корявой двери, стараясь не повредить ее воздушное одеяние. – Я и так последний нож, можно сказать, кожей осязала.

– А надо, чтобы все! – отрубил толстяк. – Теперь перейдем к нашему герою. Андрей, после первого же броска Никиты ты должен просто скакать. Скакать – и все. Камера тебя уже не видит, и не нужно всей этой драмы на лице. Ты что, раньше в театре работал?

– Где приходилось, там и работал, – нахмурился Андрей. – И вообще я каскадер, а не артист.

– Так, – решил толстяк, уже никого не слушая. – Сначала снимаем сцену метания ножей, а затем уж Андрей влетит на своем жеребце во двор. Приготовились! На площадке остаются Никита со своими ножами, Алина и Сергей. Остальные могут передохнуть.

Андрей мрачно прошествовал к ограде, за которой сгрудилась восхищенная толпа, и спросил у Мариши:

– Ну как? Понравилось?

– Блеск! Правда, Даша?! – ответила Мариша, подталкивая меня в бок.

– М-да, – проямлила я. – А почему ваш режиссер сразу же не стал снимать отдельно тебя на коне, а следующим эпизодом Никиту с Алиной?

– Потому что неуч, – беззлобно буркнул Андрей. – И к тому же ни хрена не соображает. Некоторые тоже не соображают, но у них опыт, накопленный еще в легкие советские времена, или чутье, а у нашего толстяка... да это вообще его вторая серьезная работа. Вот он и действует методом тыка. Первая-то, похоже, ничему не научила.

– Кто же ему доверил? – удивилась я, представив, в какую сумму может вылиться режиссерский тык.

– Значит, нашлись люди, – многозначительно сказал Андрей. – Нам-то еще ничего, мы в отдельных эпизодах заняты. Когда там скачка или драка, или если герою по сценарию полагается с крепостной башни в ров с водой прыгнуть. Я сиганул, и плевать мне на толстяка, а вот актерам несладко приходится. Ну, да что я о них. Давайте, девчонки, о нас. После съемок ко мне? Кстати, у Алины сегодня намечается день рождения. Если ее Никита всерьез не прикончит, будет весело, это я гарантирую.

Мариша согласно кивнула.

Таким образом, вечером мы оказались в гостях у каскадеров Никиты, Андрея и Алины. На самом деле работа в кино была для них только небольшим приработком, а основным источником дохода являлось шоу, в котором каждый участвовал со своим аттракционом. Андрей еще с двумя ребятами показывали чудеса вольтижировки, кувыркаясь на спинах лошадей и скользя у них под брюхом. А Алина участвовала вместе с Никитой в аттракционе с метанием ножей.

Мы с Маришей впервые попали в атмосферу смеси луна-парка, ярмарки развлечений с цирком шапито и с любопытством таращились по сторонам. Вокруг было столько интересного, что глаза разбегались. Пока мы шли к фургончику Андрея, мимо нас прошествовал атлет, несущий в руках упитанного извивающегося удава, за ним шла стройная девушка в золотистом трико, на шее которой уютно устроилась компания ярко раскрашенных змеек. Потом нам встретился юркий маленький человечек, тащивший за руку трех шимпанзе, наряженных в яркие юбочки. Одна проказница все норовила содрать с себя юбку, а с хозяина – брюки.

Андрей провел нас по всему пространству парка развлечений. Мы постреляли в тире и получили в награду кулек лимонной карамели, покатались на двух каруселях и американских горках, которые зверски дребезжали и раскачивались под нами. А в лицо летели кусочки отшелушившейся краски, ржавое железо натужно стонало и прогибалось под нашей машинкой. Тут же была комната ужасов, где нас кто-то настырно норовил ущипнуть за задницу, и комната смеха, пребывание в которой прочно закрепило все комплексы по поводу нашей внешности.

– Хотите еще посмотреть на бородатую женщину или поиграть в автоматы? – предложил нам Андрей. – Я не могу пойти с вами, у меня скоро выступление начинается.

Но мы предпочли пойти с ним.

– Тогда после выступления Алины и Никиты, они сегодня выходят последними, сразу же идите к моему фургончику, – сказал Андрей. – А я пойду помочь приготовить номер Алины и буду ждать вас там. Ее фургончик стоит рядом с моим, он голубой, и на нем пять рыжих клоунов.

После этого он оставил нас смотреть представление, которое началось с выхода на арену смешного рыжего красноногого клоуна в огромных лаковых ботинках. За руку он вел обезьяну, а та скалила на всех зубы, не забывая при этом кувыряться. Потом выступал Андрей со своей командой. Мы вдоволь насмотрелись на то, как он ловко меняет лошадей на полном ходу, скользя у них под брюхом, как скачет одновременно на двух лошадях, жонглируя при этом яркими дисками.

Потом он исчез, а следом за ним на посыпанную опилками арену вышел фокусник, за фокусником-виртуозом появился дрессировщик с собачками и клоун. Так что мы не скучали. Последним был метатель ножей. Никита деловито приковал Алину к щиту, затем отошел на несколько десятков шагов. Сильно размахнулся, и у нас перед глазами замелькали лезвия. В общей сложности он воткнул несколько десятков ножей возле безмятежно стоящей Алины, разрубил у нее на голове небольшое яблоко и рассек хлыстом листок бумаги, не больше промокашки, который она держала перед собой. На этом представление окончилось.

И мы с Маришей послушно отправились разыскивать фургончик Алины, где нас по уговору должен был поджидать Андрей. Несмотря на позднее время, народ и не думал расходиться, и без сопровождающего, который знал тут каждый уголок, ярмарка развлечений казалась совершенно необъятной; естественно, что мы скоро заблудились. Вместо того, чтобы прийти к конюшне, мы вышли к палатке отвергнутой нами бородатой женщины. Народу тут почти не было, видимо, небритая дама не пользовалась большим спросом. Точно так же, как и гадалка Эльвира, чья палатка стояла рядом.

– Давай спросим у нее, как нам пройти к конюшне? – вдруг предложила Мариша и тут же устремилась к входу.

Мы бесшумно вошли в пустую палатку, колокольчик, подвешенный над дверью, глухо звякнул и затих. Под потолком дремал старый попугай, вдоль стен висели пучки трав, позаимствованные в зоологическом музее чучела мышей и пресмыкающихся. Возле покрытого серебряными звездами занавеса, отделявшего заднюю часть палатки от приемной, находился стол, а на нем – хрустальный шар, стояло несколько баночек с цветными жидкостями, картину дополняла изрядно потрепанная колода карт. Мы с любопытством подошли к столу, и тут раздался голос.

– Ты уверена, что этой дозы хватит на всех? – внезапно спросил мужчина. – Мне требуется знать точно, смогу я от них избавиться или нет.

Мы вздрогнули, нам показалось, что голос звучит в абсолютно пустой комнате. Наконец мы догадались, что ничего сверхъестественного тут нет, а голос идет из-за занавески.

– Будь уверен, качество гарантирую. Сдохнут через несколько минут. А если принять только одну ложку, то возникнут разные видения, – сказала женщина.

– Это им ни к чему, – отрезал мужчина.

– Только вот как ты им дашь?

– Не бойся, у меня все продумано, – уверенно сказал тот же мужской голос. – Будут лежать дохлые, и я никогда больше не увижу этих тварей в своем доме.

– Кровожадный ты, – заметила женщина. – А ну как узнают? Смотри, как бы Кешка не прознал. У нас ведь после Глашки и Машки все злые, а он их как детей любит. Тогда тебе не поздоровится, да и мне тоже. Мигом сообразит, кто тебе отраву достал.

– Плевать на него, – сказал мужчина. – Сам виноват. А будет возникать, я и ему плесну малость. Пусть поносом помучается, придурок.

– Я этого не слышала, – заявила женщина. – Давай деньги и проваливай, чтобы тебя тут не увидели.

За занавеской раздался шорох, должно быть, покупатель отсчитывал требуемую сумму. Осторожно, стараясь не выдать себя, мы начали приближаться к довольно ветхой на вид занавеске, надеясь увидеть в щелочку участников жуткой сделки. Но, к сожалению, моя подруженька, корова разэдакая, свернула на пол уродливый светильник, стоящий на небольшом возвышении. Впрочем, ничего удивительного: комнатка была до того мала и так плотно набита всяким барахлом, что и в более спокойном состоянии трудно было пройти по ней, ничего не зацепив.

Металл загрохотал по дереву, а мы с Маришей кинулись прочь, но не успели. Внезапно другая занавеска, которая находилась у нас за спиной и которую мы приняли за стену, отдернулась, и вошла смуглая цыганка в ярком платке, с золотыми серьгами и золотыми зубами. Неизвестно, кого она тут ожидала увидеть, но мы ее явно не порадовали.

– Кого вам? – абсолютно нелюбезно осведомилась она.

– Ничего себе обращение! – возмутилась Мариша. – Мы к гадалке. Вошли, а тут никого нет.

– Вы тут давно околачиваетесь? – поинтересовалась цыганка. – Больше ничего не разбили?

– Ничего, – совершенно искренно заверила Мариша.

Цыганка с облегчением вздохнула и сказала, ткнув пальцем в Маришу:

– Одного мужика потеряла, другого найдешь. Не бери в голову. Дальняя сторона не для тебя. Ближе искать нужно.

Мариша открыла рот да так и замерла. Она и в самом деле только на прошлой неделе вернулась из Германии, сбежав от любящего немецкого мужа. При этом она заявила, что лучше уж жить здесь у себя на родине в голоде и грязи, чем с мужиком, занимающимся любовью исключительно по средам и субботам и подробно расписавшим всю их будущую жизнь на несколько лет вперед. Так что слова цыганки были очень похожи на правду.

– А ты, – повернулась ко мне цыганка, – берегись! Все в облаках порхаешь, смотри, как бы совсем туда не улететь.

– Раз у вас плохое настроение, могли бы заранее предупредить, – сказала Мариша, выбегая из палатки и устремляясь в соседний домик.

Но она опоздала. В палатке бородатой дамы, где только что разговаривали два таинственных заговорщика, мы уже никого не застали. Там стояла лишь одинокая тахта, на которой полагалось возлежать бородатой даме в ожидании клиентов, и на стене висела занавеска. Только не со звездами, а с цветами и изрядно потрепанными райскими птицами. За занавеску мы, сами поражаясь своей отваге, все-таки заглянули.

Там спиной к нам возле крохотного трюмо с помутневшим от старости зеркалом стояла женщина в просторном халате и что-то делала со своим лицом. Мариша кашлянула, женщина обернулась к нам, и мы увидели, что ее подбородок и щеки покрывает густая каштановая борода.

– Что вам? – басом спросила бородатая дама.

– Ну сервис! – возмутилась Мариша. – Вам бы повежливей надо быть с посетителями.

– Десять рублей! – отрезала женщина, даже не делая попыток стать любезной.

Мариша достала из кармана бумажку. Борода в ответ довольно кивнула и прошла мимо нас к выходу. Приоткрыв дверь, она показала нам, что сеанс окончен. Мы покорно вышли.

– Ой, а не скажете, как нам пройти к конюшням? – воскликнула я, вспомнив, зачем мы сюда явились.

– Прямо и от каруселей направо, – злобно рявкнула дама.

Нас словно ветром сдуло.

– Такая что угодно и кому угодно продаст, – сказала Мариша, когда мы шли к каруселям. – И отраву, и кинжал, и взрывчатку. И сама же эту взрывчатку и использует. Пошли скорей, может, успеем до того, как все соберутся, узнать у Андрея, кто такой этот Кеша.

До конюшни мы добрались очень быстро. Фургончик Алины тоже нашелся моментально, правда, сначала мы насчитали только трех клоунов, но так как на остальных фургончиках клоунов не было вовсе, то мы зашли в этот. Оказалось, что попали правильно.

– Давно ждем, – сообщил нам Андрей. – Располагайтесь!

После этого он всучил мне кастрюлю с вареной в мундире картошкой, которую полагось очистить и порезать, а Марише миску с репчатым луком, который надо было почистить и опять же порезать.

– А когда справитесь с этим, кто-то из вас займется окороком, его надо порезать на ломтики, – бодро сказал он.

– А чем он тебя сейчас не устраивает? – поинтересовалась Мариша, косясь на аппетитный кусок мяса, в котором было добрых шесть кило.

К тому времени, как мы покончили с овощами и окороком, в фургончик набилось полно народа. Удивительно, как они все в него поместились, но веселиться в такой тесноте было решительно невозможно. Поэтому все переехали на небольшой лужок, на котором днем стреляли из луков и арбалетов любители старины и просто детишки. На траве лежало множество одеял, на которых и расположились гости Алины.

Сама девушка была одета в нечто воздушное и развевающееся, а на голове у нее красовалась крохотная шляпка в виде тюрбанчика. Она разговаривала с Андреем.

– Завтра съемок не будет, – говорила ему Алина. – У меня руки ломит, это точно к дождю.

– Ну и хорошо, – отозвался Андрей и хотел еще что-то прибавить, но заметил нас и помахал рукой, подзывая поближе.

– Да, Карабас и так в бешенстве, – сказала Алина.

– Кто это, Карабас? – удивилась я.

– Наш директор, – пояснила Алина. – Мы его так зовем, потому что характер у него точь-в-точь как у книжного Карабаса. И еще борода.

– А почему он недоволен?

– Ну как же, – принялся объяснять Андрей. – Номер Никиты и Алины пользуется успехом, да и вообще, вы же видели, артистов не так уж много, каждый номер на счету. А из-за съемок ребята пропускают утреннее представление, и доходы Карабаса падают.

– Все, видите ли, желают видеть, как я дважды в день рискую своей жизнью, – усмехнулась Алина. – Они были бы жестоко разочарованы, если бы узнали, что опасности никакой нет.

– Как это? – хором удивились мы.

– Тсс, – заговорщицки подмигнул нам Андрей. – Это тайна. Если вы обе будете хорошими девочками, то я, так и быть, открою ее вам.

– Никакой тайны, – пожала плечами Алина. – В щит вмонтировано несколько электромагнитов. И ножи, естественно, прилипают к ним. Так что Никита, даже если бы очень захотел, не смог бы в меня попасть.

– Как печально разочаровываться в своих иллюзиях, – сказала Мариша. – Что, и остальные аттракционы такое же надувательство? Вот, например, бородатая дама...

– Ах, бедняжка, – вздохнула Алина. – У нее с Эльвирой чудовищно сложная и беспоконная жизнь.

Но в это время ее отвлек кто-то из гостей, и мы так и не услышали продолжения.

– Андрей, – обратилась Мариша к своему приятелю, – кто такой Кеша?

– Девчонки, давайте отдыхать, – нетерпеливо сказал Андрей. – Все вопросы потом. Страсть не люблю, когда весь кайф ломают.

И он увлек нас на середину поляны, где уже стоял накрытый длинный стол, освещенный гирляндами электрических фонариков, вокруг которых роились тучи ночных насекомых. Там уже сидели почти все участники сегодняшнего шоу. Андрей посадил нас по правую руку. Таким образом, рядом со мной оказался симпатичный, хоть и абсолютно лысый старикан, который оказался клоуном. У него был номер с дрессированной собачкой, которая неизменно оказывалась умней своего незадачливого и забывчивого хозяина.

– Вы, наверное, тут всех знаете, – мило улыбаясь, сказала я.

Старичок удовлетворенно кивнул.

– А кто такой Кеша, то есть Иннокентий? – поправила я.

– Клоун с обезьяной, – сказал старичок. – Жуткая скотина.

Я не вполне поняла, к кому относится последняя фраза, но уточнять не стала.

– Спроси у него, кто тот красивый мужчина напротив меня? – прошептала Мариша мне на ухо.

Я послушно спросила.

– Ростислав Клико, – уважительно произнес старичок.

– А кто он? – нетерпеливо спросила я.

– Вы не знаете, кто он? – удивился старичок. – Это же наша звезда. Его еще называют Великим Иллюзионистом.

– Фокусник? – обрадовалась я.

Кажется, этим я оскорбила какие-то тонкие струны души моего собеседника. Во всяком случае он надулся, словно индюк, и замолчал. Так до конца вечера и сидел рядом, не пожелав обменяться со мной больше ни единым словом. А праздник набирал размах. Вино и прочее спиртное лилось рекой, тосты становились все отвлеченней и отвлеченней. И уже через два часа никто и не вспоминал, из-за чего собрались. Алинину это явно не устраивало. Но не будешь же все время орать гостям: «Эй, вы, это между прочим мой день рождения!»

Поэтому она выбрала на редкость оригинальный способ, решив станцевать на столе среди полупустых тарелок и еще полных стаканов и рюмок. Алина вспрыгнула на стол и прошлась по нему из конца в конец, разумеется, овладев вниманием собравшихся. Своего она добилась, все взгляды были прикованы к ней. Тут же откуда-то возник саксофон, бубен и даже небольшой тамтам. Под их звуки Алина начала грациозно приплясывать на столе, ловко огибая препятствия в виде заливного из судака и лоханью с зеленым салатом.

Катастрофа случилась возле блюда со злосчастным окороком. Какой-то остряк посыпал его солеными фисташками, многие из которых упали с блюда и раскатились по скатерти. Увлечшись танцем, Алина поскользнулась на кругляшках и с грохотом, которого трудно было ожидать от такой хрупкой девушки, скатилась со стола.

Какое-то время музыканты еще продолжали играть, затем музыка смолкла, и все гости с присущей людям искусства импульсивностью бросились к пострадавшей, чудом не затоптав ее насмерть. Никите удалось растолкать суесящихся без толку коллег и усадить Алину на стул. Изрядно набравшийся к этому времени Андрей метался взад и вперед и звал дурным голосом врача.

Между тем Алина ощупала свою ногу и поморщилась.

– Растяжение и ушиб, – сказала она. – Ничего страшного. Успокойся, Андрей, не нужно никакого врача. Я сама себе лучший врач. Продолжайте праздновать.

Гости послушно вернулись к столу. А Алина, обратившись к Никите, сказала:

– Боюсь, что завтра мне не удастся выступить в шоу. Карабас совсем озверевает. Если с киношниками можно договориться, то как быть с ним, ума не приложу. И, как назло, все заняты в своих аттракционах. Разве что Эльвиру попросить.

– Ни за что, – вскинулся Никита. – Это же пародия получится. Зритель меня не поймет. Когда опасность угрожает жизни молодой и красивой девушки, зал сочувствует, а если поставить эту уродину, все будут возмущены, какого черта я в нее не попал. Нужна красивая, а главное, отважная девушка.

И он посмотрел в нашу сторону. Мне, честно говоря, его взгляд очень не понравился.

– Мариша! – затрясла я ничего не подозревающую подружку за рукав. – Мариша!

Но я не успела. Никита меня опередил. И не успела я оглянуться, как обаянная этим красавцем Мариша дала согласие участвовать в его аттракционе.

– Ничего опасного нет, – авторитетно говорила она мне, когда мы возвращались с жонглером и его подружкой в город на машине этой самой подружки. – Алина с ним выступает уже почти два месяца.

– А где та девушка, которая была перед ней? – мрачно спросила я.

– Ты мне просто завидуешь, – сказала Мариша и надулась. – Что не тебя первую пригласили.

– Ничего, долго ждать не придется, – мрачно сказала я. – Завтра он воткнет в тебя пару ножицков, и наступит моя очередь.

Мариша окончательно надулась, и до города мы больше с ней не разговаривали и вообще старались не обращать друг на друга внимания.

Маленький человечек, довольно потирая ручки, опустил письмо в почтовый ящик. Для того чтобы добраться до этого ящика, ему пришлось проехать приличное расстояние на поезде. И поездка эта была отнюдь не первой и, как он подозревал, не последней. Его накопления, которые он сделал на старость, стремительно таяли. Но не это угнетало мужчину, его беспокоило, а ответит ли в конце концов на его чувства предмет его страсти? Ведь до сих пор он еще так и не решился открыться. Это и понятно, он боялся показаться смешным. Ведь он был далеко не молод, не богат, и все, что он мог предложить, – это преданность и честность.

Но все-таки конец близился. У мужчины были довольно крепкие нервы, закаленные многолетней битвой с подрастающим поколением, но он полагал, что такого эпистолярного натиска не выдержит никто. И тогда наступит равязка. Какой она будет, мужчина еще не знал. Но с облегчением вздохнул, потому что об этом должен думать не он.

И еще было одно приятное обстоятельство: сегодня не нужно спешить на поезд и, как обычно, трястись в душном вагоне. То дело, ради которого он приехал в этот город, еще не выполнено. Перед отъездом предстояло еще дважды опустить письма, но главное даже не это. Самое главное – ждать. А в этом мужчине не было равных.

Взрыв прогремел в три часа ночи. На воздух взлетел склад готовой продукции небольшого химического заводика. В последнее время все его цеха, за исключением одного, который почти полностью перешел на изготовление растворителей и красок, бездействовали. Зато в оставшемся работа кипела в две смены. Было закуплено австрийское оборудование, и дело пошло.

Из-за взрывоопасности хранившейся на складе готовой продукции столб огня поднялся до неба и довольно быстро перекинулся на сам завод. Несмотря на позднее время, пожарные приехали в рекордно быстрый срок, но они мало что могли сделать с разбушевавшейся стихией. К тому времени, когда пожар погасили, приехали директор завода и все члены правления. С немой отчаянием они прошли по пепелищу, густо залитому пеной.

Обломки железных балок, обгоревшие остатки перекрытий и полурасплавленные стекла окон – вот все, что осталось от процветающего предприятия. Что говорить, убыток, даже по предварительной оценке, составлял огромную сумму. Конечно, завод был застрахован, но удар все равно ощутимый, не говоря уж о том, что на ближайшие месяцы – прощайте доходы.

– Надо было заплатить, – мрачно сказал как-то враз постаревший и сгорбившийся директор завода своему более молодому по возрасту, но сейчас выглядевшему ровесником шефа заместителю. – Верно говорят: скупой платит дважды.

Заместитель с тоской огляделся по сторонам и согласно кивнул.

– Может, ФСБ поможет? – высказал он робкое предположение.

– Что они могут? – махнул рукой директор. – Кому предъявишь обвинения? Уверен: преступника никогда не найдут. Тут орудовала группа. Всех арестовать невозможно, а если хоть один останется на свободе, смерть нам будет обеспечена. Впредь умней будем. И никуда мы не пойдем. Мы ничего не знаем, взрыв – это случайность. Усвоил?

– Усвоил, – уныло согласился заместитель.

– У тебя жена и ребенок, – добавил директор. – А у меня дети и внуки. Завод – это полбеды. Отстроимся и снова начнем работать. А вот потерять семью – не дай бог.

И оба мужчины, оскальзываясь на мокрых обломках, направились к своим машинам, стоящим поодаль.

Несмотря на то, что я была чертовски недовольна очередным легкомысленным выбрыком подруги, я не смогла бы пропустить ее дебют в качестве артистки на арене цирка ни за что в жизни. Я уселась в первом ряду, справедливости ради надо сказать, что под куполом было всего два ряда скамей, причем второй ряд во время утреннего представления пустовал. На Марише был умопомрачительный купальник с золотом и бисером. Выглядела подруга в нем потрясающе, а могла бы еще лучше, если бы он был хотя бы на пару размеров побольше. А так публика, почти целиком состоящая из детей и их бабушек, была откровенно шокирована прелестями Мариши, вылезающими из купальника, словно забродившее тесто из слишком тесной миски.

Тем не менее Никита мужественно пошвырял свои ножи и раскланялся под жидкие аплодисменты зала. Мне лично к концу номера было уже плевать, во что там вырядилась моя подруга. Я так перетрухнула, что сидела ни жива ни мертва.

– Ну как? – осведомилась Мариша, когда я вышла за ней из шатра.

– Потрясающе, – выдохнула я.

– Сама знаю, – вздохнула подруга. – Нужен другой купальник. В этом стыда не оберешься. Но кто же знал, что у них тут такой скудный гардероб? Я была уверена, что для меня найдется что-нибудь подходящее. Но они тут все такие тщедушные. Придется ехать в город, но боюсь, что не успею к вечеру. У меня есть еще несколько дел.

И она многозначительно замолчала, а я похолодела.

– Ты заменишь меня, если я задержусь? – нерешительно осведомилась Мариша.

– Ни за что, – решительно сказала я.

Я всегда так говорю, а потом, не успею оглянуться, как уже делаю то, чего от меня ждет Мариша. Черт знает что! Мариша опоздала, и этим вечером я как миленькая стояла в трико и белой шелковой шали, одолженной мне Алиной, валявшейся с повязкой на ноге у себя в фургончике возле кулис, и тряслась от страха.

– Наш выход! – сказал Никита и буквально выволок меня к публике.

О том, чтобы самой подойти к щиту, не могло быть и речи. От страха я ничего не видела. Кто-то приковал меня к щиту, и тут зарокотали барабаны. Первый же нож стукнулся о дерево прямо у меня над левым ухом, срезав прядь волос. Такого я раньше что-то не припоминала.

Выражение лица Никиты меня тоже не порадовало, казалось, он тоже удивлен результатом своего броска. В ужасе дернув головой в сторону, я сохранила себе правый глаз. Нож воткнулся как раз в то место, где он только что находился.

Окончательно перестав соображать что-либо, я в ужасе заверещала на весь шатер. Публика, решившая, что так и нужно по сценарию, довольно загоготала. Мои руки и ноги были прикованы, так что особенно не подергаешься, но я старалась. Покрывшийся потом Никита продолжал трудолюбиво швырять ножи, а я дергаться в разные стороны. Благодаря своей ловкости, я избежала еще трех ударов, но вот четвертый все же задел мою левую руку чуть выше локтя. Белый шелк немедленно окрасился кровью, а публика, состоящая нынче сплошь из молодых и не очень молодых мужчин, довольно взревела. Боль помогла мне собраться с мыслями.

– Хватит! – завопила я. – Я на тебя в суд подам!

Публика покатывалась от хохота, а подручные бледного словно смерть Никиты поспешно освобождали меня от оков. Проковыляв к выходу, я дождалась Никиту и вlepила ему здоровой рукой смачную затрещину.

– Халтурщик, – сообщила я ему. – Тебе на бойне работать. Убийца.

Тем временем весть о случившемся уже облетела весь городок. К шатру спешили артисты и бледная Мариша с каким-то свертком в руках, а шоу тем временем продолжалось. Первым подоспел к нам с Никитой коренастый дядька с густой черной бородой и пронзительными глазками под нависшими бровями.

«Карабас!» – догадалась я и оказалась права.

– Что случилось? – набросился Карабас на Никиту. – Ты снова пьян?

– Не понимаю, – растерянно замотал головой парень. – Ножи летели как на душу придется. Ни один не вошел в цель. Ничего не понимаю.

– А тут и понимать нечего, – сказал один из мужчин в серой спецодежде, осматривавших щит. – Проводка повреждена, магнит не работал. Конечно, ножи летели туда, куда ты их бросал. Просто чудо, что ты не убил девчонку.

После этого окружающий мир для меня как-то поблек, лица закачались и уплыли в туман. Очнувшись я на койке рядом с Алиной. Вернее, она сидела у моей постели на стуле.

– Слава богу, все обошлось, – сказала она мне. – Рана на плече пустяковая. Даже не рана, а порез. Я его уже залепила пластырем. А волосы отрастут. Никиту убить мало, сколько раз я ему говорила проверять оборудование перед выступлением. Всегда самой следить приходилось. А сегодня он мне клятвенно пообещал, что проверит, и вот. Так ему и надо. Даже жаль, что он только плечо оцарапал. Убил бы, так впредь была бы наука.

«Интересная логика», – только и успела я подумать про себя, как ворвалась Мариша и еще одна девушка.

– Господи, ты жива! – завопила Мариша прямо с порога. – Я этого Никиту чуть своими руками не задушила. Остолоп, не мог свою проводку проверить. А врет как нагло! Смотрит мне в лицо и говорит, что все самолично проверил.

– Проверил? – удивилась Алина. – Конечно, врет. Ему просто стыдно признаться, что он такой остолоп. И надо же такому случиться именно сейчас! Теперь никого не допросишься завтра выступить. Карабас будет в ярости и запросто может Никиту выгнать, а куда тогда я денусь. Кому нужна танцовщица с вывихнутой ногой? И больничный лист он мне вряд ли оплатит.

– Об этом не думай, – сказала девушка из цирка, – я выступлю за тебя.

– Так тебе Ростислав и позволит, – хмыкнула Алина. – Он жуткий собственник, и с Никитой у них вражда. Только рад будет, если Никиту выгонят из шоу. Нет, Оля, не получится.

– И не надо! О чем тут спорить, даром, что ли, я раздобыла себе умопомрачительный костюм? Куда я его еще надену, кроме как на арену? – подала голос Мариша. – Никаких конкурентов не пущу, завтра выступаю я, и точка.

– И тебя не пугает то, что случилось сегодня? – удивились обе циркачки.

– Мой дедушка говорил, что два раза в одну воронку бомба не падает, – сказала Мариша. – Так что завтра на арене под ножами Никиты мне будет безопасней, чем в собственной кровати у себя дома.

Алина с Олей начали так бурно выражать восторг Маришиной отвагой и так громко благодарить ее, что мне с моим тихим здравомыслием к подруге оказалось не пробиться.

На следующий день Мариша снова была на арене, а я вместе с веселым, но малость хлипким и каким-то влажно-помятым парнишкой, выполнявшим тут, как он сказал, функции электрика, следила за тем, чтобы все было в порядке с электромагнитом.

– Сволочь этот Никита, – сказала я. – Что ему стоило вчера бросить один взгляд и удостовериться, что все в порядке?

– А может, он и бросил, – загадочно ответил электрик, пристально глядя в небо.

– Как это? – оторопела я. – Магнит был неисправен. Ты же сам сказал, что провода повреждены.

– Вот именно, – кивнул электрик. – А каким образом это могло произойти?

– Ты хочешь сказать, что кто-то нарочно их повредил? – ужаснулась я.

– Это ты сказала, – ответил электрик. – Но одно я могу утверждать точно – провода были перерезаны. А значит, кто-то сознательно хотел, чтобы номер Никиты сорвался.

– Номер! – задыхнулась я. – Он между прочим не тарелки крутит, а в живого человека ножи мечет. А ты – номер!

– Ну, сегодня-то все в порядке, – заверил меня электрик. – А вот вчера номер чудом не сорвался.

– И кому это было нужно?

– Спроси чего полегче, – посоветовал мне электрик. – По-хорошему, так милицию нужно было бы. Но наш Карабас легавых тут не потерпит. Пока кого-нибудь не пришьют, он не почешется.

– А что, уже было нечто в этом роде? – затаив дыхание, спросила я.

– Да точно такого, конечно, не было, но вот канаты рвались, звери дохли и анонимки приходили.

– Какие звери? Какие анонимки? При чем тут они? – допытывалась я у впавшего в ступор электрика.

– Это как поглядеть, – наконец произнес он. – Может быть, оно и из другой оперы, а может быть, и в точку. Вот к чему я это говорю – сдохли, к примеру, дрессированные медведи Машка и Глашка, и номер пришлось закрыть. Не ждать же, пока там дрессировщик новых зверей найдет. А в программу взяли дрессированных собачек. Надо же чем-то объем заполнить. А оборвался трос и акробат сломал ногу, кого взяли в программу? Никиту с его ножами, а раньше он Ростиславу с его имуществом помогал управиться. Одно дело быть подручным у фокусника, ах, простите, иллюзиониста, хоть и знаменитого, а другое – иметь свой собственный номер.

– Ясно, а анонимки?

– И анонимки! – обрадовался электрик. – Я к чему, раз все тут друг другу вредят, так, может быть, и анонимки написал кто-то из желающих занять место в программе. А уж после вчерашней аварии я в этом точно уверен.

– Да что за анонимки-то? – допытывалась я.

– Присылают такую бумагу без подписи, а в ней всякие гадости: кто чего сказал, да кто чего сделал. Чаще всего директору, но и остальным попадались. Из-за этих писулек тут

все друг на друга волком смотрят. Автора ведь не нашли. Да вы у Алины узнайте, она ведь больше всех от этих анонимок страдает.

К этому времени номер Никиты закончился, и мы с Маришей вернулись в фургончик Алины. Пока Мариша переодевалась, я делано небрежным тоном поинтересовалась:

– Алина, а что это за слухи бродят насчет анонимных писем, которые ты получала?

Алина покрылась густой краской и пробормотала:

– Вот люди, ничего не утаишь.

– Письма? – оживилась Мариша. – От поклонников? Может быть, и мне пришлют? Как думаешь?

– Не дай бог тебе таких поклонников. Письма очень мерзкие. Дескать, если я не перестану играть с жизнью и смертью на потеху толпе, то смерть меня настигнет. В общем, бред сумасшедшего, но я расстраивалась. Оно и понятно, бред не бред, а приятного в таких письмах мало, – пробормотала Алина. Затем достала из-под матраса толстую пачку писем и небрежно швырнула ее на стол. – Можете ознакомиться, только не вслух. Я уже видеть их не могу, а зачем храню, сама не понимаю. Должно быть, надеюсь, что автора этой мерзости рано или поздно поймают и письма пригодятся в качестве вещественного доказательства.

Я взяла первое попавшееся письмо.

«Слушай-ка, грязная потаскуха, ты здорово заигралась. Но скоро придет конец твоим выступлениям. Я уж об этом позабочусь. Теперь я буду рядом с тобой, но ты не узнаешь меня, а я добьюсь того, чтобы твой трюкач проколол тебя насквозь своей шпагой. Интересно, а в постели он так же глубоко всаживает в тебя свое оружие? Ты кричишь, или как? Смотри, как бы тебе не закричать на арене, но только последним в твоей жизни криком».

– Мило, а при чем тут шпаги? – сказала я.

– А, это еще старое письмо. Я раньше работала с Ростиславом, он запирали меня в ящик и пронзал его рапирами. Старый фокус, но публике всегда нравится. Не понимаю, чего этот писака так взъелся на меня?

– И давно ты рассталась с Ростиславом?

– Уже почти два месяца. Как только Никита получил свой номер, я перешла к нему. С Ростиславом, конечно, почетней, но у него столько баб. Очень трудно выдерживать постоянную конкуренцию.

Я принялась читать дальше. Следующее письмо было еще интересней.

«Это все еще я. Как видишь, я не забыл тебя. Я все ближе и ближе подбираюсь к тебе, а вместе со мной и твоя смерть, циркачка. Ты напрасно будешь искать меня, ты не увидишь меня, а я буду наслаждаться твоим предсмертным стоном. Думаешь, если поменяла кобеля, который на тебя залезает каждую ночь, то я от тебя отстану? Напрасно надеешься, пока ты на арене, я никуда не денусь, я буду придумывать для тебя смерть пострашней. А когда придумаю – берегись...»

Я пролистала все письма и убедилась, что все они написаны одной рукой и чаще всего зеленой шариковой ручкой. Затем я взяла еще одно письмо, которое было отправлено на позапрошлой неделе. К этому времени автор явно начал терять терпение.

«Я наконец придумал, что с тобой сделать. Что, уже губки раскатала, надеешься, я тебе скажу? Не тут-то было. Я не такой дурак. Можешь бежать в милицию, но она не спасет тебя от меня, вездесущего. Я пройду сквозь любую преграду и доберусь до твоего нежного белого горлышка и сладострастно сожму его в руках. Или нет, лучше несчастный случай. Ведь их так много возле тебя в последнее время. Ты не задумывалась, почему? Я знаю, что сейчас ты дрожишь. Я хорошо тебя знаю, мне даже жаль тебя, но пока ты будешь сверкать своей задницей на сцене, я не отстану от тебя. Слишком соблазнительное зрелище. Другие девчонки тоже хороши, но тебя я выбрал в качестве своей невесты. Мы будем счастливы вместе, и день этот близок».

– Явно какой-то псих, – сказала я. – Но он хорошо осведомлен о твоей жизни. Знает, когда ты меняешь партнеров, пишет так, словно каждый день бывает рядом с тобой.

В ответ Алина откинулась на подушку и застонала.

– Думаешь, мне это не приходило в голову? – прорыдала она. – Как представлю, что этот извращенец бродит поблизости и сладострастно поглядывает на мою шейку, так озноб продирает.

– А ты не думала уйти из шоу? – спросила я. – Этот тип, похоже, заинтересован только в той Алине, которую каждый день видит на сцене.

– Думала, – призналась Алина. – Но с другой стороны, а вдруг никакого маньяка нет, а есть просто завистницы, желающие занять мое место. Никита мужик хоть куда, девчонки ради такого не только грязные письма подбросят.

– Что-то слишком уж сложно, – сказала я. – И потом, за три месяца ты сменила три города, а письма все равно тебя находили. Вряд ли найдется хоть одна поклонница, отличающаяся таким упорством.

– Бывают, – махнула рукой Алина. – Но это может быть и не только молоденькая поклонница. Вполне и мои коллеги могут оказаться способными на подобную гадость. У нас тут распространена методика добывания вакантных местечек посредством подленьких подстав. Но, с другой стороны, мое место не слишком завидное. С Никитой не прославишься. Так что я все-таки остановилась на том, что эти послания дело рук моей неизвестной соперницы или маньяка.

– Маньяк вероятней, – со знанием дела подала голос Мариша. – Но знаешь, я бы на твоём месте не волновалась. Маньяки как самоубийцы. Если сообщают о своих намерениях, то скорей всего не выполняют угрозы.

– Тебе легко говорить, а меня каждый раз дрожь пробирает, когда в зал выхожу. Думаю, вот тут он сидит.

– Кстати, у вас не такой уж большой зал. Ты не замечала одних и тех же лиц? Должен же он на тебя смотреть, а где это удобней всего сделать, как не на представлении? А что, если проследить за ним?

– Ой! – обрадовалась Алина. – Как я сама не додумалась. В последнее время и правда зачастил один хмырь. Рожа мерзкая, вся в бородавках. Всегда сидит в первом ряду на тринадцатом месте. Только не припомню, был он на представлениях в Новгороде или нет.

– Ладно, я посмотрю, – пообещала Мариша. – Если он сегодня явится, то мы его выследим.

– Спасибо, девчонки, – растрогалась Алина. – А то я уж думала, что придется возвращаться к бабушке в Воронеж. А она у меня страшная зануда. Как бы я с ней ужилась, не представляю. Да еще она к тому же помешана на семейной чести. Она бы мне продохнуть не дала своими рассказами о наших предках и укорами, что я опозорила весь род, поступив работать в это задрипанное шоу. В общем, где-то я ее понимаю. Но жить с ней от этого не легче. К тому же она обожает манипулировать людьми и очень в этом поднаторела. В общем, жизнь с ней – не сахар.

– Ты ненормальная, – сообщила я Марише очевидную вещь, когда мы вышли из фургона Алины. – Эта особа нагло подставила нас. Сама вывихнула себе ногу, а мы за нее отдувайся. Мало того, что вчера меня чуть не прирезал этот мазила Никита, так сегодня еще какой-то маньяк обнаруживается. Ну и пусть себе обнаруживается, только без меня.

– Как тебе не стыдно, – укорила меня Мариша. – Девушка лежит одна-одинешенька, совершенно беспомощная. Неужели мы не можем сделать для нее такой малости и поймать автора этих грязных писул? Кстати, ты захватила образчик?

– И не подумала, – фыркнула я.

– Ну, ничего, зато я захватила, – утешила меня Мариша.

– Зачем он тебе? – помимо воли поинтересовалась я.

– Сейчас пойдем в бухгалтерию, или что у них тут вместо бухгалтерии, и посмотрим – не найдется ли среди бумаг почерка, похожего на почерк автора этих писем. Должны же артисты хоть какие-то бумаги оставлять. Может, найдутся расписки или автобиографии.

После нашего стука в дверь уютного фургончика мне стало ясно, почему на наш вопрос, когда мы спрашивали у него, как он оформлялся на работу, Андрей так нехорошо улыбался. Честно говоря, от него такой подставы я не ожидала. На пороге стоял сам Карабас.

– Нам никто не нужен! – рявкнул он и попытался закрыть дверь перед нашим носом.

– Вы не поняли, нам не нужна работа, – зачатила я.

Карабас на минуту замешкался, и мы проскользнули к нему в фургон. Внутри было чисто, стояла хорошая мягкая мебель и очень хорошая техника. На кресле небрежно валялась видеокамера «Sony» и несколько видеокассет.

– Дело в том, что одна ваша сотрудница почти еженедельно получает грязные письма с угрозами, – сказала Мариша. – А вчера на нее было совершено покушение.

– Еще одно? – испугался Карабас. – Где же?

– Номер с ножами.

– А, это! Но при чем тут Алина. Там же была какая-то знакомая Андрея, она работала в тот вечер.

Тут Карабас увидел меня, робко выглядывающую из-за спины Мариши, и явно обрадовался.

– Так вот же она! – завопил он, показывая на меня огромной, поросшей густыми черными волосами рукой. – Жива и здорова.

– Преступник мог и не знать, что ассистентка поменялась, – с нажимом сказала Мариша. – Вряд ли у Даши есть хоть один недоброжелатель. Она ведь никого тут не знает.

– Что вы хотите от меня? – спросил Дуремар, то есть – тьфу, Карабас.

Мы ему объяснили.

– Вам повезло, – неожиданно вскочил со своего стула Карабас, прервав наше объяснение на половине. – Другие директора подобных ярмарок не затрудняют себя ведением бухгалтерии. Но я не таков. У меня в бумагах полный порядок. Каждый работающий у меня, начиная от нашей гордости Ростислава и кончая парнем, что чистит конюшни, пишут заявление о приеме на работу и заполняют анкету. Вот, смотрите, они все тут.

И он кинул на стол увесистую папку.

– Здесь все за последние пять лет. То есть ровно столько, сколько я работаю директором этого балагана.

Мы с жадностью накиннулись на бумаги, сверяя их с имеющимся у нас письмом. Но увы, похожего почерка среди бумаг не попало. На всякий случай мы отобрали три анкеты, почерки в которых показались нам более или менее похожими.

– Эти двое не работают уже почти два года, и где они, я не знаю. Спросите у старых артистов. Например, дед Слава, ну тот, что с собачками, должен знать и при должном с ним обращении может сказать. А вот этот парень работает и сейчас. Электрик.

– Электрик! – эхом отозвались мы с Маришей.

– Мне сразу не понравилось его лицо, – сказала я, когда мы вышли из фургончика директора. – Какой-то он весь мокрый и хлипкий. Конечно, на такого ни одна девушка не посмотрит, вот он и придумал себе развлечение. Мерзавец! Для него посылать письма Алине – раз плюнуть. И какое совпадение, он работает в шоу всего четыре месяца. Понятно, месяц осматривался, а потом начал заваливать Алину письмами. Гадость какая!

– И кому, как не ему, было легче легкого повредить проводку, – поддержала меня Мариша. – Мы думали искать среди посетителей, а он вон тут, рядышком.

– Думаешь, это он испортил магнит? – спросила я. – Но не мог же он не знать, что вместо травмировавшейся Алины будет выступать кто-то другой?

– Кто может сказать, что делается в головах психов, – пожала плечами Мариша. – Вдруг он таким образом протестовал против замены.

– Ничего себе, – поразилась я, но к этому времени мы уже подошли к фургончику электрика.

Кроме него здесь жило еще два человека, которые явно не отличались особой аккуратностью. Кровати в фургончике были не застелены, несмотря на середину дня. На полу валялся всякий мусор вперемешку с банановыми и апельсиновыми шкурками. А в раковине громоздилась гора немытой посуды, по которой деловито ползали мухи и еще какие-то насекомые, по виду больше всего напоминавшие раскормленных до невероятных размеров тараканов.

В фургончике оказался только один мужичонка с реденькими рыжими усиками.

– Жека! – представился он, вскочив с табуретки при виде нас. – Очень приятно. Пишете статью? Рад, что вы решили заглянуть и к нам. А то знаете, обычно пишут про артистов, совершенно забывая про нас, которые обеспечивают этим самым артистам, так сказать, базу, чтобы их выступления проходили гладко. А вы от какого журнала? В прошлом месяце приходили от «Частной жизни».

К счастью, маленький человечек не требовал ответов на свои вопросы. Задавая один, он тут же продолжал трещать, так что, если бы мы и захотели вставить словечко, у нас все равно ничего не получилось бы. Выяснилось, что он работает осветителем. То есть на нем вся иллюминация ярмарки и прожектора во время проведения вечернего представления.

– У вас, должно быть, много работы? – посочувствовала ему Мариша.

– Вовсе нет, – покачал головой Жека. – Я справляюсь со своей основной работой, а потом помогаю, где надо.

– Но если вы так хорошо разбираетесь в электричестве и работы у вас немного, то зачем же вам второй электрик?

– Василий? – удивился Жека. – Да какой он электрик. Так, одно название. На самом деле он грузчик и водитель трейлера. Но так как у нас по штату все вакансии грузчиков заняты, то его взяли электриком. Но он электричества боится, так что даже лампочку мне приходится вкручивать самому. Ни за что не уговоришь его подойти к проводу.

– А скажите, этот Василий был на дне рождения Алины? – спросила я.

– Все мы были, – кивнул Жека. – Алина славная девушка, никого не забыла. Даже маленьких людей. Она не такая, как этот сноб Ростислав. Тот уж точно не сел бы за один стол с уборщиком. И что в нем бабы находят?

– Так у него много женщин?

– Не то чтобы много... он их просто не хочет. А вот если бы хотел, то каждый день мог бы менять, – завистливо протянул Жека.

– Скажите, а вот ваш сосед... как его... Василий?

– Да.

– Так вот, этот Василий, что он за человек? Согласитесь, странно, что он пришел именно к вам на ярмарку устраиваться на работу. Платят наверняка мало, все время на колесах, работа тяжелая и неперспективная. Для молодого человека, во всяком случае.

– Все оно так, но, с другой стороны, и не так. Вот вы все это говорите, потому что вы никогда не мечтали выступать, – сказал Жека. – А Василий спит и видит, как он появится на арене со своими дрессированными тараканами.

– С кем, простите?.. – переспросила я, немного опешив.

– С тараканами, вон его артисты, – повторил Жека, кивая на мойку. – Видите, какие гиганты. Ему их специально из Латинской Америки привезли. Они еще молоденькие, но должны еще раза в три вырасти. Говорят, они очень смышленные.

Мы с Маришей пораженно таращились на смышленных американских насекомых, которые деловито отбивали обед у полчища наших отечественных мух. Пока что обе стороны окончательной победы не одержали, но гниющих в жаре остатков в мойке было так много, что оба войска не были в обиде.

– Василий их уже помаленьку дрессирует, – продолжал рассказывать тем временем Жека. – Для этого и к нам пришел работать. Чтобы, значит, научиться у профессионалов. Очень способные твари. Как привез их из города, дал немного прийти в себя, так и начал приучать к себе. Сегодня они его уже узнавать начали. Он утром как на них рявкнет, так они во все стороны – прыск! Вчера вечером ездил за новой партией.

– Мои на кухне так же поступают, – пробормотала я, и вдруг меня осенило. – Когда он за ними ездил? Вчера ночью? Так его что, не было на вечернем представлении?

– Ни на вечернем, ни на утреннем. Он укатил первым же автобусом. Так ему не терпелось.

– Удивительно, – пробормотала Мариша. – А где его можно найти сейчас?

– В зверинце, – сказал Жека. – Клетки чистит.

Василий и в самом деле был там. Мариша снова прогнала телегу про статью в журнале. Даже целую серию статей, героем одной из которых и должен был стать Василий и его замечательные тараканы.

– Тише, – почему-то испугался парень. – Я про них никому не рассказывал. Зря Жека вам растрепал. Я их пока прячу.

– Но почему? – удивились мы. – Из скромности? Боитесь, что ничего не получится и над вами смеяться будут?

– Боюсь, но не из скромности, – сказал Василий. – Я же рассказывал, какие тут люди собрались. Им испортить чужой номер – раз плюнуть. Вот и таюсь.

– А родные у вас есть? – спросила я.

– Есть, мама, отец и брат. Он мне тараканов и прислал. Он моряк.

– И вы им пишете? Как они реагируют на ваше увлечение? Они ведь далеки от цирка?

– Да уж, – кивнул Василий. – Дальше не придумаешь, отец инженер, а мама библиотечкарь. Сначала они протестовали, но когда поняли, что у меня это серьезно, то изменили свое мнение.

– А вы им рассказываете про свои успехи? – спросила Мариша. – Я почему спрашиваю: нам для статьи было бы хорошо поместить цитату из вашего письма домой. Дескать, вы не только целеустремленный человек, но и любящий сын. Многие старушки это очень любят, и редактор всегда настаивает, чтобы было что-нибудь душещипательное.

– Ничего душещипательного в моих письмах нет, можете сами убедиться, – сказал Василий, доставая из кармана замусоленную и помятую бумажку в каких-то подозрительно пахнущих желтых пятнах. – Вот мой черновик. Можете посмотреть, если что-нибудь пригодится, то буду рад. Только не потеряйте и потом верните. С сочинительством у меня не очень, приходится над каждой фразой по часу думать.

В этом он был прав. Письмо явно корявое. Но одно ясно: почерк у Василия хоть и был похож на почерк мерзавца, забрасывавшего Алину угрожающими письмами, но все-таки не тот. В этом мы окончательно убедились, вернувшись к Алине в фургончик и сличив письма.

– Завитушку у Д заглавного видишь? – спросила у меня Мариша. – У Василия ничего подобного нет. И Р прописное у него совершенно иначе выглядит. И наклон немного меньше. Даже без экспертизы видно, что почерк другой. Выходит, промахнулись.

– У нас остался в запасе наш первоначальный план, – вздохнула я. – Во время представления мы с Алиной незаметно оглядим зал. Может быть, она узнает какую-нибудь знакомую рожу, которая маячит рядом уже не первый месяц.

На этом мы и порешили. Вечернее представление не начиналось томительно долго. Наконец зрители заполнили ряды, Мариша пошла рисковать жизнью, а мы с Алиной притаились за кулисами.

– Узнаешь кого-нибудь? – поминутно спрашивала я у нее.

– Не торопи, – отбивалась она. – Я не уверена. Знаешь, что бы я тебе ни говорила про безопасность номера, но, когда в тебя летят ножи, как-то не хочется следить за публикой. Хотя постой. Вот этого типа я явно где-то уже видела. И сдается мне, не один раз.

И она указала на невысокого полного мужчину средних лет и весьма благообразной наружности. Если не считать того, что на самом кончике носа у него была малиновая бородавка и что он все время потел и вытирал блестящую лысину изрядно мокрым платком, в нем не было ничего подозрительного. На мой взгляд, маньяк должен выглядеть как-то не так. Более кровожадно, что ли.

Мужчина явно маялся и скучал, он ерзал на месте и поминутно поглядывал на часы. Дождавшись номера Никиты, он вздохнул с облегчением, и на его лице впервые за все представление проступила заинтересованность.

– Точно, он! – обрадовалась Алина. – Видишь, как заволновался. А сейчас увидит, что меня нет, и враз позеленеет.

Она так радовалась, что у меня снова закралось подозрение: а не подстроила ли Алиночка себе растяжение, чтобы немного сбавить накал страстей. Никита благополучно откидал свои ножи, которые сегодня втыкались точно в положенные им места, и заинтересовавший нас мужчина с бородавкой начал собираться.

– Он же уходит! – испугалась Алина. – Сейчас совсем уйдет. И место у него с самого края. Наверное, специально выбирал. Марише за нами никак не успеть. Ей ведь еще переодеться нужно. Придется нам вдвоем за ним следить.

– А как же твоя нога? Ты ведь не сможешь долго ходить, – запротестовала я.

– А нам и не придется. У меня есть машина, а тут только одна стоянка. Если этот тип с бородавкой приехал на машине, то она должна быть там. А если на автобусе, то еще лучше, проследить будет еще легче. Но только он не похож на человека, который ездит в автобусе, – сказала Алина, бодро ковыляя по территории городка. – Знаешь, Даша, вы с подружкой меня пристыдили. И в самом деле, сколько можно трястись от страха перед этим типом с его гнусными письмами. Нужно взглянуть ему в лицо, может быть, он вовсе не так страшен, как я себе представляла.

У Алины оказалась симпатичная новенькая «Деу Нексия» цвета топленых сливок. На стоянку мы успели даже раньше типа с бородавкой, которого задержала билетерша, требовавшая, чтобы он досмотрел представление, раз уж заплатил. Мы внимательно проследили, как он сел в синюю «шестерку», и тронулись за ним. За руль пришлось сесть мне, так как Алинина нога не позволяла ей управлять машиной.

Мужчина пересек центр города и остановился перед новым домом на станции метро «Академическая», нависавшим над станцией метро, подобно космическому кораблю.

– Кажется, я знаю, куда он направляется, – прошептала Алина. – Нам нет нужды дальше следить за ним. Я вспомнила, где я видела этого типа.

– И где же?

– На съемках. Он то ли помощник нашего режиссера, то ли администратор. Должно быть, наш толстяк-режиссер послал его узнать, правда ли, что я заболела, не сачкую ли я.

– С чего это к тебе такое внимание? – пробормотала я, но Алина не стала отвечать, сделав вид, что не слышит.

Обратно мы вернулись уже в темноте. Остановив машину на стоянке, я увидела, что Алина странно задумчива. Потом она повернулась ко мне и серьезно спросила:

– Можно попросить тебя об одном одолжении?

– Смотри о каком, – наученная общением со своими подругами, осторожно ответила я.

– Не говори никому, кроме Мариши, кем оказался этот тип с бородавкой.

– Почему? – спросила я. – Раз уж я обещаю молчать, то я должна знать почему.

– Понимаешь, эту халтуру со съемкой я нашла. А если ребята узнают, что за нами следят и не верят нашим словам, то они могут обидеться на режиссера и отказаться от съемок. А он платит хорошие деньги. Мы с Никитой у Карабаса столько за месяц зарабатываем.

– Понятно, но не скажешь, что ты особенно нуждаешься, – заметила я. – Машина у тебя новая. Сколько она стоит? Тысяч семь? А сколько ты работаешь в шоу? Год, два? Только не говори, что эта машина – плод многолетних накоплений. Не похожа ты на человека, способного иметь счет в банке и регулярно пополнять его.

Алина рассмеялась.

– Ты права, машина – это подарок. Но от кого, не спрашивай. Все равно не скажу.

– А Никита знает, что это подарок?

– Разве твой парень все про тебя знает? – поинтересовалась Алина. – Мужчины ведь охотней всего верят, когда им откровенно лгут. Так что у Никиты весьма далекое от истины представление о том, откуда у меня взялась машина. Так обещаешь молчать?

Я молча кивнула, и мы пошли к трейлерам.

– А что у Ростислава с Ольгой? – спросила я по пути у Алины.

– Что обычно бывает с ассистенткой. Легкий роман, – пожала плечами девушка. – Вроде того, как у нас с Никитой.

– Я бы не назвала ваши отношения легким романом. Он в тебя влюблен по уши. Это всякому бросается в глаза, – сказала я, но Алина только пренебрежительно хмыкнула.

Ночевать мы остались в цирковом городке. Андрей пустил нас в свой трейлер.

– Если электрик писем не писал и проводку не портил, тип с бородавкой оказался помощником режиссера, так где же нам искать злодея? – растерянно говорила Мариша. – А что, если он все-таки где-нибудь здесь? Пусть не электрик, кто-нибудь другой. Пошли побродим?

Тщедушный мужичонка весьма средних лет сидел за шатким столиком и, высунув от усердия язык, выводил неровные строчки. Перед ним лежал черновик, с которого он списывал и который по окончании работы надлежало вернуть вместе с чистовиком. Все это сильно напоминало мужчине школьные сочинения и потому нравилось. С тех пор, как он вышел на пенсию, он часто вспоминал школу, своих учеников. Теперь ему его занятие доставляло какое-то особое удовольствие, словно бы он поменялся с учениками местами. Дело ему нравилось, да и хлопот было немного. Всего лишь переписать своей рукой несколько бессмысленных строчек, а оказать хорошему человеку услугу всегда приятно.

Мужчина закончил письмо и довольно потянулся. За последние три месяца это было уже пятнадцатое послание. Результатов пока не имелось, но терпение, как говорится, и еще раз терпение. Не могла же эта нахальная девица совсем не обладать воображением, чтобы не испугаться этих гадких посланий. Любому нормальному человеку они должны были здорово портить нервы. И в который раз в голове пожилого мужчины мелькнула неприятная мысль: а так ли уж нужно ему то, ради чего он занимается этими писульками? Оправдает ли цель те способы, которыми она достигается?

Вздыхнув, мужчина аккуратно сложил письмо, надписал конверт и подошел к зеркалу. Нет, выходить за порог с такой щетиной решительно невозможно. А рубашку давно следовало если не выбросить, то хотя бы постирать. Вздыхнув еще раз, он прошел в душ. Через

час он вышел из номера уединенной и маленькой дешевой гостиницы и бодро зашагал по направлению к почте, сожалея, что в свое время не скопил на машину. Но кто знает, вероятно, что вскоре у него будет и машина, и новая квартира, и вообще новая жизнь. Подумав об этом, мужчина вздохнул в третий раз.

Мы с Маришей уже битый час таскались по темным закоулкам в надежде подслушать хоть что-нибудь, отдаленно напоминающее заговор. Все равно кого и против кого. Нужно же с чего-то начинать. Одним словом, если сначала нас напрямую интересовал только автор грязных писем, то теперь мы были согласны на любую информацию. Но нам катастрофически не везло, то есть разговоры велись, но все какие-то отрывочные.

Первый раз нам удалось подслушать часть разговора заходящей звезды деда Славы с его дрессированными собачками и будущей тараканьей звезды Василия, которые сидели возле фургончика электриков.

– Ты даже не думай, – горячо говорил Василий. – Это мигом выплывет наружу. И потом, Никита не так уж крепко держится. Если ему дали место в представлении только потому, что сдохли медведи, то это вовсе не значит, что его не турнут при первом же стоящем претенденте. Просто нужно подождать.

– Тебе хорошо говорить, у тебя вся жизнь впереди, а у людей в моем возрасте на ожидание уже нет времени, – сварливо пробурчал дед Слава, пощипывая свои густые кустистые брови, бывшие единственной растительностью на его лице. – И почему тебе в голову не пришло самому испортить магнит? Какой-то умник догадался без тебя. Если ты и дальше будешь так медленно раскачиваться, то не видать тебе своего номера. Никто просто так не станет тебя учить.

– И все-таки я думаю, что у Никиты сейчас и так полно проблем с Алиной. Он натерпелся в последнее время. Ведь ту девчонку, которая выступала вместо Алины, он вполне мог убить, не зная, что магнит испорчен.

– Вот именно, – азартно подхватил престарелый дрессировщик. – Сейчас у него не лучший период, он плохо стоит на ногах, вот и надо помочь ему упасть. Куда труднее это сделать, когда все у него будет в порядке. Я предлагаю...

Но тут из фургончика прямо нам на головы выплеснули таз с мыльной водой, в которой электрик Жека мыл голову. То есть нам хотелось думать, что голову. Пришлось удирать, потому что Мариша от неожиданности испустила возмущенный вопль протеста, и Жека выглянул в окно, чтобы узнать, что там, собственно говоря, случилось.

Затем мы набрали на палатку бородатой дамы, в которой, несмотря на позднее время, все еще горел свет. Мы осторожно заглянули в окошко и увидели, как она, стоя к нам спиной, аккуратно сняла с себя бороду, положила ее на столик рядом с собой и принялась протирать лицо кремом.

– Все ясно, – сказала Мариша. – Очередное надувательство. Но она кого-то ждет.

Я тоже так думала, бородатая дама, насколько мы могли судить по ее спине, затянутой в дорогой бархат, была при полном параде. На столе горели свечи и стояла бутылка с вином и несколько стеклянных сосудов, больше напоминавших химические колбы. Лично я из таких пить не стала бы, но кому что нравится. Бородатая дама продолжала сидеть к нам спиной, и разглядеть ее лицо нам не удавалось. Однако мы увидели, как к ее палатке скользнула темная мужская фигура, в которой мы с удивлением узнали Ростислава.

– Никогда бы не подумала, что он будет ходить к этой пожилой особе, когда в его распоряжении полно молоденьких цыпочек, – сказала я.

Бородатая дама услышала стук в дверь и поспешно притушила свет и задернула занавесь на окне. Пришлось уйти не солоно хлебавши. Сквозь стены доносилось только невнятное бормотание и женский смех. Кроме этих пар, мы довольно часто набредали на подозри-

тельно шушукавшиеся компании, которые при виде нас моментально замолкали. А так как шушукались они на относительно открытых местах и подобраться к ним незаметно не удавалось, приходилось делать вид, что нас они и не интересуют вовсе.

– И что мы выяснили? – сказала Мариша, когда мы пошли по третьему кругу. – Что Василий и дед Слава мечтают подсидеть Никиту, а бородатая дама тайком встречается с Ростиславом. И что нам это дает? Таинственного автора анонимок мы не нашли. А время уже позднее, никого не видно, все спят.

Но тут нам повезло. От фургончика Алины отделилась изрядно прихрамывающая тень и двинулась в направлении директорского фургона.

– Что это она? – удивилась я. – Решила изменить Никите с Карабасом?

– А что, с точки зрения практичности Карабас может принести ей больше пользы, чем почти нищий Никита, у которого всего богатства – это побитая тачка и ерундовый номер, – сказала Мариша.

Но мы оказались не правы. Алина задержалась в фургончике Карабаса всего лишь минуту. После чего вышла, крепко сжимая в руках какой-то небольшой предмет, оказавшийся сотовым телефоном. Отойдя на приличное расстояние, Алина оглянулась по сторонам и, не заметив нас, потыкала в кнопки.

– Родной! – прошептала она в трубку. – Страшно соскучилась. Когда мы увидимся? Да, повернула ногу, а откуда ты знаешь?

После этого последовала пауза, должно быть, Алинин любовник рассказывал, откуда ему это известно.

– Ты прямо меня поражаешь, то годами не вспоминал, а то такие чувства, что даже соглядатаев посылаешь, чтобы они тебе докладывали, как я себя чувствую, – рассмеялась девушка. – Но нога у меня уже лучше, завтра смогу выступать, можешь снова присылать своего помощника. Думаешь, я не узнала его? А лучше приезжай сам. Жду не дождусь нашей встречи. Кстати, я хочу с тобой поговорить об одном деле. Как о каком? Это не по телефону, но разве тебе нечем больше порадовать свою маленькую девочку? Как насчет небольшого бриллиантового перстенька и к нему пары сережек? Машина просто чудо, но не мешало бы к ней и денег.

Мужчина ответил что-то приятное для Алины, потому что она снова довольно рассмеялась.

– Вот и договорились, завтра после вечернего представления я буду ждать тебя на повороте в Девяткино. Целую тебя, мой папахен. Прихвати с собой ту самую волшебную коробочку, которую ты мне дарил в прошлый раз. Милый мой, все, говорить больше не могу. Целую.

Отключив телефон, Алина смачно плюнула на землю и пошла отдавать телефон Карабасу.

– У Алины любовник, – сказала Мариша, когда мы вернулись к себе. – Кто бы это мог быть? Неужели...

– Думаю, что да, – сказала я. – Это тот толстый режиссер, которого мы видели на съемках.

– Да ты что! – ахнула Мариша. – А вот почему ты так решила?

– Во-первых, Алина проговорила, что сегодняшний тип работал на ее любовника. А на кого еще работать помощнику режиссера, как не на самого режиссера?

– Логично, – заметила Мариша.

– И во-вторых, Андрей, помнится, говорил, что режиссер живет где-то в новом доме на Гражданке, а сегодняшний тип с бородавкой приехал к новому дому возле метро «Академическая», то есть в том самом районе.

– Но точно мы узнаем об этом, когда завтра проследим за ними, – сказала Мариша.

– Какая гадость! – возмутилась я. – Зачем тебе это понадобилось?

– Затем, что Алина славная девушка и я не хочу, чтобы с ней что-то случилось, – сказала Мариша. – Сегодняшний ее разговор слышали не только мы с тобой.

– А кто еще? – удивилась я. – Там вроде бы никого больше не было. Все спали в своих фургончиках.

– То-то и оно, что не все. Кроме нас, там был Никита. Догадываешься, что этот парень способен натворить из ревности. Да мы с тобой просто обязаны завтра сопровождать Алину.

Старая женщина вскочила с кровати с громким криком. Ей снова приснился все тот же страшный сон. Молодая девушка буквально плавала перед ней в луже собственной крови, которая все прибывала и заливала все вокруг. По ней уже заходили волны, и девушка мирно закачалась на них. А ее взор, казалось, проникал в душу. Слезы душили женщину, хотя она давно проснулась. Небольшая чистенькая болонка испуганно следила за хозяйкой, забравшись к ней на кровать.

– Ничего, Кроха, – сказала женщина. – Просто очередной кошмар.

Собачка понимающе твякнула и положила на хозяйку маленькую пушистую лапку, выражая свое сочувствие. Поняв, что больше ей не заснуть, женщина встала с кровати и подошла к зеркалу, критически осмотрев себя. Хотя возраст наложил на нее свою печать и лицо украсилось паутинкой тонких морщинок, но спина оставалась прямой, взгляд светлым, а тело стройным. Пройдя на кухню, женщина поставила на плиту чайник, чтобы заварить отвар мяты и ромашки и хоть немного успокоиться.

Хотя она отлично понимала, что сейчас для успокоения нервов ей потребовалось бы что-нибудь более основательное. Даже самой себе женщина не хотела признаться в том, как напугал ее сегодняшний сон. Дело даже не в крови, за свою долгую жизнь женщина повидала ее достаточно. Но сон повторялся почти с маниакальным упорством, жертвой всегда была красивая молодая девушка, которую женщина хорошо знала. И хотя та не принесла ей ничего, кроме горя и разочарования, сейчас это было неважно.

Не обращая внимания на кипящий чайник, женщина подошла к телефону и подняла трубку. Она знала, что пришло время действовать решительно, иначе могло быть поздно.

– Когда ближайший рейс на Санкт-Петербург? – четко выговаривая каждый звук, спросила она. – Так долго, – тут же сказала она разочарованно, – но все равно, спасибо. Могу я заказать билет?

Отдуваясь и пыхтя, толстяк-режиссер уселся в свою машину и в очередной раз подумал, в какое хлопотное, а главное, опасное дело он ввязался из-за этих проклятых денег. Никогда в жизни ему не приходилось столько мотаться бог весть куда и так бояться при этом. Но что поделаешь, если мягкотелый режиссер с вполне подходящей для киношного гения фамилией – Никаловский больше всего на свете любил деньги, кино и женщин. Причем деньги – большие, а женщины должны быть непременно красивыми. Но почему-то и то и другое не давалось просто так.

Бедняге толстяку пришлось изрядно попотеть в последнее время. Он даже похудел на пару килограммов, что, впрочем, не слишком сказалось на его внешности. Вот и сейчас он ехал на встречу, плохо представляя, чем она может закончиться. Вполне вероятно, что его гибелью. От жалости к себе он даже всхлипнул и в который раз пообещал, что больше – никогда и ни за что. Однако прекрасно понимал, что «никогда» повторится еще не раз. Деньги требовались постоянно. Съемки фильма сжирали все подчистую, а что оставалось, подбирала милая доченька.

Переехав через Неву, он остановился на Дворцовой площади. Там, где пестрела россыпь пластмассовых столиков под яркими тентами. За один из них и уселся режиссер,

скромно купив у стойки стаканчик фанты. Есть ему не хотелось. Свою сумку он поставил возле столика. Попивая шипучий напиток, он потел все сильнее, несмотря на то что под тентом было почти прохладно, а фанта была только что из холодильника.

Наконец за столик рядом с ним сел смазливый паренек, неспешно закуливший сигарету из полной пачки. Толстяк внутренне напрягся и почувствовал, как холодеет все его тело. Возле парнишки стояла точно такая же сумка, какая стояла у столика режиссера. Осмотревшись по сторонам, режиссер пихнул сумку в сторону парня, постаравшись, чтобы это выглядело как можно небрежней. Вроде бы просто затекла нога, и он решил ее выпрямить.

Парнишка докурив сигарету и, потянувшись за пепельницей, случайно уронил свою сумку на землю. После этого он встал, поднял сумку, но уже не свою – и ушел. Режиссер последовал за ним через несколько минут. Оказавшись в салоне своей машины, он долго сидел ни жив ни мертв, не веря, что и на этот раз его пронесло, и чувствуя, как спадает напряжение, а в голову лезут все более приятные мысли о предстоящих свиданиях и работе.

Лишь при мысли об Алине лоб Никаловского прорезала озабоченная складка. Зато руки у режиссера сразу перестали трястись, и он вспомнил о ее просьбе купить ей подарок. Однако еще предстояло избавиться от опасной сумки. Таскать ее за собой целый день, мозоля ею глаза, было неразумно.

Несмотря на то, что Алина настаивала, Карабас не разрешил ей участвовать в представлении.

– Деточка, ты еще недостаточно окрепла, – сказал он ей. – Подожди денек. Ты уже почти не хромаешь, а завтра будет все просто отлично. Мариша справляется с твоей работой, так что отдохни до завтра. Номер от этого только выиграет.

– Да, – поддержал его Никита. – Вечером после представления мы можем отрепетировать твой завтрашний выход.

– Что там репетировать! – возмущенно фыркнула Алина. – Всего и дел-то, выйти на середину арены и дать себя приковать.

– Мне не нравится твое отношение, – рассердился Карабас. – Никита говорит дело. Обязательно отрепетируйте.

Алина насупилась, но спорить с директором не осмелилась.

– Спорим, что никакой репетиции не будет, – шепнула мне на ухо Мариша. – Она под любым предлогом удерет.

И подруга оказалась права. Алина исчезла еще до конца вечернего представления. Во всяком случае ее фургончик оказался пуст, а машины не было на стоянке. Мариша еще заранее договорилась с Жекой, и тот дал нам свой потрепанный «Москвич». Так что изрядно лысыми, но все же колесами мы были обеспечены и могли не торопясь следовать к месту встречи Алины и ее любовника. Увы, Маришин «Опель», который подарил своей жене благодарный немецкий муж, стоял на таможне, и его обещали отдать не раньше завтрашнего дня.

Поворот на Девяткино мы нашли легко, но возле него не было ни Алины, ни ее машины, ни Никиты, уехавшего перед нами.

– Вот черт! – обозлилась Мариша. – Упустили! Черт бы подрал этот купальник. И зачем я решила его снимать? Дура, не могла, что ли, накинуть сверху какой-нибудь плащ.

– Разве что плащ-палатку, – съехидничала я. – Поехали обратно. Нечего тут торчать.

Но Марише словно вожжа под хвост попала.

– Не успокоюсь, пока все не обыщу, – бормотала она себе под нос, разглядывая у себя под ногами землю у поворота. – Были они тут, были. Но вот кто за кем?

Не удержавшись, я тоже подошла к ней.

– Видишь, в этом месте земля рыхлая, и после недавнего дождика все следы отлично отпечатались, – показала мне Мариша. – Вот здесь из города приехала машина и из нее вышел мужчина. Этот тип курил и очень нервничал.

– Почему?

– Все время ходил из стороны в сторону и выкурил целых три сигареты за какие-нибудь десять-пятнадцать минут.

– Ага, потому что его следы уже по прибитой дождем земле, а дождь покапал с четверть часа назад, – догадалась я.

– Точно, а вот к нашему типу подъехала еще одна машина, из нее никто не выходил. И они укатили вместе. А сверху отпечатков их шин накладывается след еще одной машины. Думаю, что все заинтересованные лица были в сборе.

– Не все, – заметила я. – Не было нас с тобой.

– Вот, а все почему? Потому что непонятно, куда они потом направились. Участок рыхлой земли закончился, а дальше снова асфальт. Но ничего, проедем в обе стороны, авось на кого-нибудь наткнемся.

Мы и в самом деле наткнулись на припозднившееся стадо коров, два трактора с прицепами, полными ворованного сена, и несколько пьянчужек, расположившихся на природе возле костерка. А также спугнули одну влюбленную парочку, к сожалению, оказавшуюся совершенно нам незнакомой. Алинину машину мы так и не нашли. А потому, помотавшись пару часов по округе и дождавшись, когда стемнело окончательно, мы вернулись на ярмарку.

– Подождем Алину возле ее фургончика, – распорядилась Мариша, убедившись, что ни Алина, ни Никита еще не возвращались.

Ждать пришлось долго. Где-то через час с небольшим я начала замерзать и терять терпение.

– В конце концов обязательно с ней должно случиться что-то плохое, – сказала я. – Она могла просто поехать в гости на ночь к своему любовнику. Утром вернется, взрослый человек.

– Если бы ты собиралась к любовнику, то стала бы вызывать его к себе? – спросила Мариша.

– Я – нет, но кто поручится за то, что в голове у Алины, – сказала я. – Ты как хочешь, а я пошла спать.

И я повернулась, чтобы идти к домику Андрея.

– Подожди, я тоже хочу спать, – догнала меня Мариша. – Ты права, что бы ни случилось, мы узнаем об этом только утром.

Для того, чтобы попасть к Андрею, нужно было обогнуть цирковой шатер.

– Смотри, свет, – заметила я. – Кто бы это мог быть в такое время?

– Кто угодно, – пожала плечами Мариша. – Днем арена все время занята, многие репетируют по ночам. Вон и Андрей прошлую ночь скакал там со своими парнями. А свет не гасят всю ночь.

– Посмотрим? – предложила я. – Интересно ведь.

– Давай, – пожала плечами Мариша, и мы подошли к пологу шатра.

Внутри была полутьма, тот самый свет, который мы заметили с улицы, давали две электрические лампочки, подвешенные под потолком на проводах. Никаких прожекторов, как бывало во время представлений. Но все-таки мы заметили, что на арене кто-то есть. Мы зашли внутрь и подошли поближе.

– Мариша, это же Алина у щита! – обрадовалась я. – Она вернулась, они репетируют, как и собирались.

Девушка и в самом деле стояла в центре арены, как и полагается, прикованная наручниками к щиту. На ней было ее любимое платье цвета старого бордо, волосы небрежно рас-

трепались и упали на лицо. Но радостно подбежавшая к ней Мариша испуганно вскрикнула и отшатнулась. Чувствуя неладное, я подошла поближе и увидела, как на темном шелке Алининого платья расплываются мокрые пятна от воткнутых в тело трех ножей, которые и удерживали его в вертикальном положении. Четвертый нож пронзил шею Алины, не позволяя голове девушки упасть на грудь.

Должно быть, Алина погибла не так давно. Во всяком случае тело даже не успело остыть, но пульс то ли не прощупывался, то ли его вообще уже не было.

Мы растерянно поглядели друг на друга, а потом – по сторонам. Одна и та же мысль пришла нам в голову. А что, если тот человек, который прикончил Алину, все еще здесь, а мы стоим перед ним беззащитные. Никто ведь не видел, как мы зашли сюда. А завтра утром наши тела тоже обнаружит кто-нибудь, но нам это будет уже все равно. И стоило нам про это подумать, как сзади раздались чьи-то осторожные шаги. Но прежде, чем мы успели умереть от страха, раздался хорошо знакомый нам голос.

– Вы что тут делаете? – спросил человек голосом Андрея. – Я вас обыскался. Девчонки, пора спать, ночь на дворе. Алина, а ты чего здесь? Где Никита? Чего это он тебя тут оставил?

– Бесполезно, – мрачно изрекла Мариша. – Она тебе не ответит.

– Почему? – удивился Андрей.

– Потому что умерла...

Минуту в шатре царила тишина, Андрей осмысливал услышанное. Потом он сделал несколько шагов к Алине и тихо вскрикнул.

– Ну вот, – только и сказал он. – Девчонки, стойте здесь и никого не подпускайте. А я пошел звонить в милицию. И не трогайте ее.

И он исчез, снова оставив нас наедине с притаившимся где-то в темноте маньяком, который уже расправился с Алиной и небось готовился прикончить и нас. И точно. Словно в ответ на наши мысли, раздалось какое-то кровожадное хихиканье, и послышались чьи-то осторожные шаги. А затем звук, сильно напоминающий скрежет клинка, доставаемого из ножен. Этого наши нервы не выдержали, и мы с визгом вылетели из шатра под открытое небо.

На свежем воздухе мы немного пришли в себя, все стало казаться не таким уж и страшным. Еще через несколько минут мы решились заглянуть в шатер. Там никого не было. То есть вообще никого! Не только таинственного убийцы след простыл, но и убитая Алина куда-то испарилась. Не вполне поверив своим глазам, мы подошли поближе к столбу и осторожно ощупали его со всех сторон.

– Такого с нами просто не могло случиться, – простонала я.

Пятна крови были на месте, дырки от ударов ножа по дереву тоже, даже клочок красного шелка имелся, а вот трупа не было. Мы в полном оцепенении таращились на эту странную картину. Но уже через пару минут нас привели в чувство, так как в шатер ворвался Карабас собственной персоной.

На нем были белые кальсоны с тесемками, должно быть, долгое время хранившиеся в сундуке. В бороду у него набился пух из подушки, волосы стояли дыбом. Ни слова не говоря, он побежал к тому месту, где полагалось быть Алине, но где ее не было. Но он не добежал.

– Мертва! – застонал он, по пути хватаясь за сердце и опускаясь на опилки. – Господи, что за напасть! Девочка моя, за что он тебя? Вот скотина ревнивая!

Мариша бочком подобралась поближе к скорбящему директору, который так и не дополз до столба с пятнами крови, и спросила:

– Вы это про кого?

– Про него, – прорыдал директор совсем по-бабьи. – Про ирода проклятого. Ну, никак не думал, что он решится на убийство. Одно дело подсыпать медведям чего-нибудь в еду, а другое – вот так убить живого человека.

– Вы про Никиту? – ужаснулась Мариша. – Думаете, что это он?

– Конечно, – глухо прорычал Карабас. – Ножи, арена.

– Может быть, просто опять магнит испортился? – сказала Мариша, и я сильно пнула ее ногой.

– Четыре раза подряд испортился? – прошипела я. – Думай, что говоришь! Так и вижу, как Никита бросает нож, который застревает в груди Алины. «Ой, прости, моя дорогая, сейчас выйдет лучше! О черт! Снова неудача. Давай-ка еще потренируемся, чтоб завтра на выступлении не опозориться». Так, да?

– Ладно, не старайся, поняла уже, – буркнула Мариша.

Карабас наконец нашел в себе силы доползти до столба. Там он минуты полторы в полном недоумении созерцал пустое место. Мы деликатно ему не стали мешать, чувствуя себя при этом по-идиотски.

– Что это? – с трудом выдавил из себя Карабас. – Шутка, что ли? Где Алина?!

Этот вопль окончательно подорвал силы директора, и он мешком рухнул на арену. Мы отволокли его к выходу, чувствуя себя почему-то невыносимо виноватыми. Я лично просто не представляла, что сказать Карабасу, когда он очнется. К счастью, он с этим делом не торопился, так и валялся без чувств, овеваемый ночным ветерком, пока не вернулся Андрей, а с ним еще трое циркачей, которые остались у входа, взволнованно перешептываясь.

– Ее надо снять, – подал голос один, не заходя внутрь.

– Много тут вас таких притких. Кто-то уже постарался, – неодобрительно пробурчала себе под нос Мариша, отрываясь от директора.

Андрей сделал несколько шагов к Алине, извините, к тому месту, где она находилась несколькими минутами раньше, но Мариша бросилась ему наперерез.

– Нельзя! – закричала она. – До прихода милиции ничего трогать нельзя. И вообще, не ходите тут. Следы затопчете.

В отделении милиции день выдался на редкость спокойным. Не было ни убийств, ни вооруженных ограблений, ни даже крупных краж. Так, всякая мелочовка. Лейтенант Гривцов откровенно скучал. Служба в милиции явно начинала его тяготить. Убийства носили чисто бытовой характер. То пьяный муж зарубит не менее пьяную жену, заподозрив ее в утаивании от него пол-литры, то один брат по пьянке стукнет по башке другого, то из дома вынесут все подчистую, а при опросе соседей все украденные вещи будут найдены всего-то двумя этажами ниже.

Мошенничества тоже были какие-то скучные. Лототронщики, охотящиеся за доверчивыми гражданами и сулящие им невиданные призы, если те всего лишь разок крутанут барабан; продавцы фальшивой валюты, поджидающие ту же категорию обывателей. Дамочки, уверявшие, что пали жертвой своей женской привлекательности, и твердящие, что их зверски изнасиловали, но тут же забирающие свои заявления, лишь стоит предполагаемому преступнику пообещать на них жениться.

Одно время Гривцов возлагал надежды на открывшуюся неподалеку ярмарку развлечений с каруселями, различными аттракционами, зверинцем, игровыми автоматами и даже с собственным небольшим цирком. Известное дело, циркачи – люди несерьезные, а сам их образ жизни напрямую связан с риском и авантюрами. Но циркачи горько его разочаровали. Ничего примечательного с ними не случилось, напротив, вели они себя тихо, если промеж них и случались размолвки, то улаживали они их миром. А уж о том, чтобы на ярмарке царил порядок, заботилась специальная пятерка крепких парней. Так что драк и прочих безобразий, которые бы требовали присутствия лейтенанта, тут не случилось.

Поэтому звонок во время его ночного дежурства лейтенант воспринял как манну небесную. Убийство! Да еще молодой женщины! Актрисы! Это было подарком небес. Лей-

тенант немедленно выехал на вызов, прихватив с собой всех, кого удалось разыскать в этот поздний час. Начальнику отделения тоже пришлось позвонить, но там ответила жена, которая пообещала все передать мужу, если удастся его добудиться, но особой уверенности у нее в голосе не звучало. Лейтенант летел на своем потрепанном «жигуленке» словно на крыльях.

– Где тело? – осведомился он у странного бородатого типа в кальсонах прошлого века, оказавшегося директором цирка.

Вообще, городок бурлил, из фургончиков высыпали люди и шли по пятам за лейтенантом. Многие в ночной темноте выглядели довольно жутковато. В затылок лейтенанту дышал прямой потомок великанов и требовал от молодого человека найти убийцу, или он за себя не отвечает. Рядом с ним семенил горбатый карлик и железным голосом требовал того же, а иначе грозился писать в прокуратуру, там у него работает друг детства. Лейтенант подумал, что дело, пожалуй, будет не таким уж захватывающим, и пожалел о своих тихих алкоголиках, которые если и имели претензии, то только к самим себе.

– Так где тело? – повторил он.

Непонятно почему, но этот вопрос вызывал у жутковатого директора странное замешательство.

– Пройдемте сюда, – прошелестел он тихим голосом, пока не обращая внимания, что макака фривольно дергает стража порядка за брючину, а удав, лежащий на плечах великана, исследует макушку лейтенанта, щекоча его своим дыханием.

Слава богу, в шатре не оказалось никого, кроме двух девушек, которые тихонько сидели на скамье в компании высокого светловолосого парня. Лейтенант неодобрительно покосился в их сторону, но говорить ничего не стал.

– Убитая должна была стоять возле щита, – сказал директор, показывая вперед.

– Что значит «должна была стоять»? – неодобрительно спросил лейтенант. – Вы ее что, сняли?

– Боже упаси! – испугался Карабас. – Она сама!

– Что сама? – опешил лейтенант.

– То есть не сама, кто-то, конечно, ее снял, но мы... Уф! Пусть лучше вам они все расскажут! – выкрутился Карабас, показывая на нас троих.

– Дело в том, что это мы нашли Алину, – сказала Мариша. – А потом подошел Андрей. Он тоже может подтвердить, что она была тут. И была мертва.

– Убита?

– Да, – кивнул Андрей, который поступил как настоящий мужчина и не бросил нас на растерзание лейтенанту. – Умерла примерно час или полтора назад от проникающего ножевого ранения.

– Вообще-то, ранения было целых четыре, – вмешалась Мариша. – Три в грудь и одно в горло.

– Алина уже немного похолодела, когда я до нее дотронулся, – продолжал Андрей. – На руках у нее были ссадины от наручников, видимо, она почувствовала опасность и попыталась освободиться.

– Просто великолепно, – буркнул лейтенант. – Но куда же все-таки делось тело? И кто конкретно его нашел?

– Мы все, – робко поднялась со скамьи девушка, подруга той, что покрупней и с целой копной белокурых локонов. – Ровно час сорок пять назад. На моих часах была половина первого ночи. Мы с Маришей из любопытства заглянули в шатер, а тут...

– Значит, из любопытства, – пробормотал себе под нос лейтенант, делая вывод, что этот приступ ночного любопытства весьма подозрителен. – И что вы увидели?

– Вы нам можете не верить, – сказала та же девушка, которая рядом со своей несколько тяжеловесной подругой казалась совсем миниатюрной, – но Алина стояла возле щита, а в нее было воткнуто четыре ножа.

Лейтенант сначала впился взглядом в девушку, потом в щит. Видимо, сгустки крови на нем в чем-то его убедили.

– Чьи ножи, вы хоть это знаете? – обратился лейтенант к нам троим уже менее сурово. Мы выжидательно покосились на Андрея.

– Они похожи на клинки, которыми пользовался Никита, – неохотно сказал тот. – Алина работала у него в номере ассистенткой. Номер – метание ножей.

– Считаю своим долгом сказать, что Никита был очень ревнив, а убитая, то есть Алина, постоянно давала ему для этого повод, – очень некстати вылез Карабас.

– Понятно, – погрустнел лейтенант, дело переставало казаться захватывающим и медленно превращалось в обычную бытовую драму, только слегка украшенную цирковой мишурой. – Убийцу задержали?

– Нет, его нигде нет, – покачал головой Карабас. – Мы смотрели на стоянке, машины его тоже нет.

– Удрал, – заключил лейтенант. – Плохо. Официально в розыск мы его объявить не можем, поскольку нет тела.

– Как же так? Ведь мы его видели! – воскликнули мы почти в один голос.

– Нет тела, нет дела, – философски заметил лейтенант. – Но будем считать, что я поверил в вашу фантастическую историю с пропавшим трупом. Я возьмусь за это дело неофициально. Итак, убийство! У вас есть фотографии этого парня? Никиты, кажется?

– Я вам дам, – поторопился с ответом Карабас.

– Постойте, – воскликнула Маринка. – Что вы прицепились к Никите? А как же угрожающие письма, которые получала Алина несколько месяцев? Они же переполнены угрозами в ее адрес. Никита может быть и ни при чем.

– Девушка, – проникновенно сказал лейтенант. – Предоставьте выводы делать профессионалам. Но спасибо, что рассказали про письма. Мы их внимательно изучим.

После этого он снова повернулся к директору.

– Помнится, вы говорили что-то о неразборчивости убитой в своей личной жизни. Вы можете назвать ее любовников?

– Только между нами, понимаете, я не хочу прослыть сплетником. Хотя теперь это уже неважно, – сказал Карабас. – Из тех, которых я знал, могу назвать нашего фокусника Ростислава, клоуна Иннокентия и наездника Кирилла.

– Из тех, кого вы знаете? А что, были еще и другие? – поинтересовался лейтенант.

– Были, но мне про них ничего не известно, – сказал Карабас. – Просто она иногда брала у меня сотовый и звонила по нему. Кому она могла звонить и болтать по полчаса? Подруг у нее никогда не было, все ее друзья здесь, а из родственников имеется только бабушка, с которой она никогда не разговаривала подолгу.

– Почему? – удивился лейтенант.

– Ну, у них были сложные отношения. Бабушка мечтала, чтобы Алина вернулась домой и начала вести себя, как и подобает наследнице древнего дворянского рода. Поэтому она сразу же начинала кричать, мол, ты опозорила весь наш род и все такое и слова не давала сказать. Так что Алина быстренько выяснит, что старушка еще жива и бодра, раз выступает в своем репертуаре, и тут же отключает телефон. А время от времени подробно писала бабушке, что и сама она жива и здорова, что все у нее в порядке. Ну, и деньги высылала. Бабушку она любила. Не представляю, как мне сообщить бедной старухе, что ее единственная внучка погибла. Боюсь, у меня не хватит на это мужества.

И из глаз Карабаса градом покатились крупные слезы. У меня защемило в носу, а Мариша начала всхлипывать. Андрей отвернулся в сторону, и плечи его стали подозрительно подрагивать.

– Хватит! – закричал лейтенант, обнаружив, что окружен рыдающими людьми. – Возьмите себя в руки. Что еще вы можете сказать по поводу убитой? Кроме ревнивого любовника и психа, писавшего ей угрожающие письма, были у нее еще враги? Может быть, кто-то хотел занять ее место в программе? Или ревнивые соперницы?

– Нет, – покачал головой Карабас. – Я никого не могу назвать. Любовников Алина легко бросала, это правда, но никогда ни у кого не отбивала. Этого у нее не отнять. Подобрать могла, но отнять ни за что.

– Брошенные любовники, – сделал отметку лейтенант. – Клоун, наездник и фокусник. С них и начнем. Где я могу с ними побеседовать?

– У меня, – с готовностью предложил Карабас. – Пойдемте, их позовут.

Нам в шатре тоже делать было нечего, поэтому мы побрели в фургончик Андрея. Но там нас атаковали жаждущие подробностей люди. Рассказав все, как было, Мариша спросила:

– Никто из вас не видел поздно вечером на территории ярмарки чего-либо подозрительного, к примеру, странного типа, который бы тащил на себе что-то тяжелое? Напоминающее человеческое тело?

Увы, ничего похожего никто не видел. Наконец нам удалось остаться одним и обдумать ситуацию, в которой мы оказались.

– Не можем же мы оставить все в неопределенности, – полувопросительно сказала Мариша. – Мы в какой-то степени ответственны за то, что случилось. В конце концов мы нашли тело.

– Меня не нужно убеждать, – сказала я. – Мы обязаны найти убийцу Алины или на худой конец ее тело. Нечего надеяться на этого лейтенанта. Он даже экспертов не вызывал, чтобы осмотреть место происшествия.

– Придется нам сделать это самим, – сказал Андрей. – Сейчас самое время.

И мы прокрались обратно к шатру. Четких следов на опилках не сохранилось, но возле щита с прикованной к нему Алиной кто-то явно ходил, и этот кто-то был мужского пола. Судя по следам – очень крупный мужчина.

– Это либо кто-то из клоунов наследил, вырядившихся в ботинки для выступлений, либо наш великан Геша, – развеял мои сомнения Андрей. – Но Геша весит под двести килограммов, рыхлые опилки под его ногами должны были примяться значительно сильнее.

– Значит, кто-то из клоунов? – спросила я.

– Или кто-то, позаимствовавший у них часть костюма, – сказал Андрей.

– Это мог сделать только кто-то свой, – сказала Мариша.

– Не совсем так, – возразил Андрей. – Конечно, легче утащить ботинки кому-нибудь из своих, но при должной смекалке и толике везения и посторонний вполне мог выкрасть обувь у кого-нибудь из цирковых. Из фургончиков это сделать трудней, но ведь костюмы лежат не только там, но и в гримерной, а во время выступления за кулисами болтается кто ни попадя. Завтра с утра мы проверим, не пропала ли у кого из клоунов их обувь.

– Смотрите, что я нашла, – сказала Мариша, дрожащей рукой протягивая нам обрывок какой-то грязной бумажки.

Мы подошли к ней поближе и увидели, что клочок исписан неровными зелеными строчками, так хорошо нам знакомыми.

– Откуда бы ему здесь взяться, если убил ее Никита? – тихо спросила Мариша. – Неужели все-таки маньяк?

– Мало ли кто пользуется зеленой пастой, – сказал Андрей. – Нужно сверить почерк. Пошли, сейчас это сделать удобней всего. Вряд ли лейтенант закончил опрос подозреваемых. Так что у нас есть возможность покопаться пока в письмах Алининого маньяка.

На выходе мы едва не столкнулись с группой вооруженных чемоданчиками и переносными фотокамерами людей. Двоих мы видели в обществе лейтенанта, один из них деловито натягивал на руки резиновые перчатки, вероятно, чтобы не терять даром времени.

– Похоже, нашему недотепе лейтенанту удалось получить санкцию своего начальства на ведение этого дела, – сказал Андрей. – Видимо, наши показания показались ему правдоподобными. Радуйтесь!

– Мне даже страшно предположить, что они сейчас там смогут обнаружить, – призналась я. – Как бы нам по совокупности улик, найденных на месте преступления, не пойти под суд за убийство Алины.

– А что? – оживился Андрей. – Может быть, вы и правда ее – того? А потом отправили меня звонить, а сами спрятали тело.

– Прямо там в опилки и зарыли, – хмыкнула Мариша. – А звонить, между прочим, ты сам вызвался.

– Таким ловким штучкам вроде вас с Дашкой вертеть нами, мужиками, проще простого, – совершенно незаслуженно польстил нам Андрей.

К этому времени мы дошли до фургончика Алины. С обыском следовало поспешить, так как по пятам за нами могли пожаловать настоящие эксперты, и как бы мы им объяснили свое присутствие в фургончике убитой, да еще после того, как они изучили сплошь истоптанную нашими ногами землю?

К счастью, письма лежали на том же месте, куда Алина их сунула утром. В ящике под диваном. Вообще-то в таких ящиках полагается хранить постельные принадлежности, но у Алины был свой взгляд на такие вещи. Поэтому письма лежали вперемешку с прочей макулатурой. Мы не повели себя как последние сволочи, не стали хапать все, схватили только некоторые, оставив достаточно и для милиции, и быстренько ретировались.

– Сличать буду я, – вызвался Андрей, стоило нам оказаться под надежным укрытием четырех стен и крыши. – У меня глаз наметан.

Мы без слов предоставили ему это право. Он водил носом по найденному клочку бумажки, потом еще дольше по строчкам из писем, позаимствованных нами из фургончика Алины. Наконец он поднял голову и торжественно заключил:

– Совершенно ясно, что клочок, найденный нами, является частью одного из посланий этого типа. – И Андрей помахал в воздухе письмами. – Теперь остается решить, откуда на арене оказалась эта бумажка и следует ли из этого, что Алину прикончил этот самый маньяк.

– А откуда же еще взяться возле трупа обрывку одного из его писем, – пожала плечами Мариша.

– Например, оно могло быть в кармане Алины, – предположил Андрей. – И просто выпало.

– Исключено, у нее на платье не было карманов, – сказала я.

– Ну, не в кармане, а где-нибудь еще, – не сдавался Андрей. – У вас, девчонок, куча разных потайных местечек, куда вы прячете от нас всякие интересные штучки.

– Идиот, – прошипела Мариша. – Вот скажи, стал бы ты, к примеру, класть к себе за пазуху ядовитую змею? Не стал бы, верно? Вот и Алина не стала бы прятать в лифчик послание от этой мрази. Так что его туда принес кто-то другой.

– Ладно, – наконец согласился Андрей. – А что с самими письмами? Вы не выяснили, откуда они приходили? Может быть, узнав отделение связи, мы сможем вычислить преступника. Жаль, что мы не взяли все письма, тогда нам было бы легче работать.

– Думаешь, мы совсем дурочки? – обиделась я. – Конечно, самым первым делом, как только Алина показала нам эту гадость, мы глянули на штемпеля на конвертах. Так вот, письма приходили из разных городов и в разные города. Где была ваша ярмарка, отправитель этих писем довольно быстро узнавал и начинал строчить свою гадость. Не проходило и двух недель после приезда, как Алина получала первое послание.

– Ясно, – глубокомысленно заметил Андрей. – Он был хорошо осведомлен о перемещениях нашей ярмарки. Значит, это все же может быть кто-то из наших.

– Очень тонкое замечание, – ехидно заметила я. – И кто?

– Завтра... – начал говорить Андрей, но замолчал, так как в окошко постучали.

Андрей сделал знак, чтобы мы спрятали письма, и приоткрыл дверь.

– Алина не у вас? – услышали мы с Маришей хорошо знакомый нам голос, от звука которого чуть не упали в обморок.

– Заходи, – дрогнувшим голосом пригласил Андрей.

И в фургончик, отряхивая с себя крупинки отшелушившейся краски и капли дождя, вошел Никита.

– Ты это откуда? – справившись с первым оцепенением, спросила я.

– Так Алина не у вас? – не обращая внимания на мой вопрос, повторил Никита. – Странно как-то. Иду по территории, а никто не спит. Все на меня косятся и молча в сторону шарахаются. Что это с ними? Но плевать на них. Так где Алинка может быть в такое время? Уже скоро светать начнет, она что, с ума спятила шататься всю ночь?

– У вас с ней что-то случилось? Вы поссорились? – спросил Андрей.

– Поцапались немного перед представлением, она обиделась, что я не сделал по ее и не выпустил сегодня же на арену, – пробурчал Никита. – С кем не случается. Не понимаю, неужто из-за этого стоило из дома бежать.

– А, стало быть, сегодня ты за ней не следил? – спросила Мариша.

Никита снова сделал вид, что оглох.

– И куда подевалась? – твердил он, но отделаться от Мариши было не так просто, как от меня, тактичной.

Она завопила в самое ухо парня:

– Ты же прекрасно знал, что у Алины сегодня randevu с ее любовником. Мы тебя вчера видели, когда ты подслушивал ее разговор по сотовому. А потом на шоссе Алинина машина обогнала нашу, а следом за ней ехал ты.

Тут Мариша немного приврала, но оказалась права – Никита тут же перестал притворяться глухим и начал каяться.

– Было такое, – сказал он. – Только мне ее не удалось догнать. Так что с кем она была, я так и не узнал. А чертовски хотелось выяснить, кто же такой щедрый, чтобы дарить ей новенькие иномарки.

– Только из-за этого? – ухмыльнулся Андрей.

– Ну, рожу бы я этому типу начистил, – признался Никита. – Да и ей бы не поздоровилось.

– И что бы ты с ней сделал? Убил бы? – спросила я. – Или просто избил?

– Ты что, рехнулась? – ужаснулся Никита. – Она же женщина, и потом... я ее люблю. Да будь она последней шлюхой, я все равно пальцем бы ее не тронул. Запер дома на несколько дней и ключи от машины спрятал, чтобы посидела в одиночестве и подумала о своем поведении. Вам что-то известно про Алину?

Но ответить мы не успели. В дверь постучали, и снаружи донеслись звуки возбужденных голосов.

– Тут он! В заложники их взял. Никита, ты только не психуй! Они ведь тебе ничего плохого не сделали, а фургончик-то все равно окружен! Тебе не удрать! Не делай глупостей!

– Они что, рехнулись? – удивился Никита. – Сегодня вроде бы не первое апреля.

– Никит, ты только не волнуйся, – торопливо заговорила Мариша, пока Андрей открывал дверь. – Алину убили. Зарезали твоими ножами. Поэтому думают, что это ты ее... того... Это не ты ведь? Ты им покажешь свои ножи, и все уладится.

В суматохе она явно не отдавала себе отчета в том, насколько нелепо звучат ее заверения в том, что все уладится. Но, совершенно оглушенный свалившимся на него известием, Никита тупо молчал. Он даже не сделал попытки сопротивления, когда его выводили двое крепких ментов. Мы последовали за арестованным Никитой к фургончику Карабаса и устроились вместе с возбужденной толпой циркачей под его окнами.

Потекли томительные минуты ожидания. Среди циркачей никто ничего толком не знал. Догадки ходили самые разнообразные. Но все же большинство придерживалось версии, что убийца Никита.

– Он же бешеный! – говорил наш приятель Жека. – Я сам помню, раз мы по селу проезжали, так бык в поле взбесился и набросился на грузовик. Пропорол рогами борт и черт знает каких дел натворил бы, кабы Никита его не прирезал.

– Как – прирезал? – ахнула Мариша. – Насмерть?

– Ну, чистый тореадор, – удовлетворенно кивнул Жека. – Все тогда и ахнуть не успели, а бык уже на дороге в конвульсиях бьется. Я понимаю, в другой ситуации мне самому было бы жалко животное, но в попорченном быком грузовике сидел и я. Так что мне трудно быть беспристрастным. Честно говоря, я никогда так не радовался, когда увидел подыхающее чудовище. Но это я к тому, что нрав у Никиты горячий.

– Точно, – подтвердил еще какой-то мужик с испорченной гримом кожей лица. – С ним никто связываться не хотел, когда он бывал пьян. Смельчаков не находилось.

– Но сегодня он был не пьян, – возразила я, но меня подняли на смех.

– Много ты понимаешь, – сказал Жека. – Он и трезвый мог такие штуки отмачивать, что и не всякому пьяному в голову взбредет. Нет, я не удивлюсь, если это он ее убил. Удивляюсь одному: как у него терпения хватило дотащить ее до шатра и там еще возиться с наручниками.

– Да, странно, – согласился тот же мужик. – Он бы должен был ее сразу убить. Раз – и все. А так мучить бедную девочку, это не в его характере. Разве что очень уж сильно его допекла, – попытался он пошутить, но шутка не удалась.

Никиту вывели из фургончика только через час.

– Куда это они? – спросила Мариша. – Вроде бы к выходу в другую сторону.

– Куда, куда, – поддразнил ее всезнающий Жека. – Пошел ножи свои показывать. Они у него в фургончике спрятаны в тайнике.

– Где? – спросила я.

– В тайнике, в стене, – дружелюбно пояснил Жека. – Там у них под окошком такое углубление есть. Как раз для десятка ножей хватает.

Сопровождаемый свитой любопытных и двумя телохранителями, Никита поднялся к себе в фургончик и скрылся из виду. Мгновение спустя оттуда раздался дикий вопль. Затем Никита показался вновь, но на этот раз на нем лица не было.

– Не нашли, – удовлетворенно констатировал Жека.

Мы с Маришей потихоньку отошли в сторону.

– Получается, что Никита убил? – растерянно сказала Мариша. – Ножи-то из тайника пропали.

– Да какой это к черту тайник, если всякие Жеки о нем отлично осведомлены, а фургончики эти запираются замками, что соплей перешибить можно, – рассвирепела я.

– Тебе просто Никита понравился, – уныло промямлила Мариша. – Я сразу поняла, что ты на него глаз положила. Вот и не хочешь признавать, что он виноват.

– Ты еще скажи, что это и Алину я прикончила, чтобы путь к сердцу Никиты себе расчистить, – обиделась я.

– Этого не скажу, мы все время вместе были.

– Вот и подумай: письма угрожающие были? А значит, необязательно Никита убивал. Да с какой такой стати придумывать такой способ убийства, чтобы подозрение в первую очередь упало на него. Если он не совсем дурак, то мог бы выбрать что-нибудь поумней, – сказала я. – И потом, эти огромные следы возле того места, где мы нашли убитую Алину. У Никиты нога максимум сорокового размера. А там все истоптано следами не существующей в природе обуви.

– Ладно, – примирительно буркнула Мариша, глядя, как Никиту с закованными за спиной руками запихивают в милицейскую машину. – Ты меня убедила. Мне и самой не верится, что Никита убил Алину, да еще таким странным способом.

Маленький мужчинка был обеспокоен. Сказать «обеспокоен» – даже не то слово. Он просто трясся от волнения. Для всякого другого повод был бы просто смехотворным: подумаешь, потерял один черновик. Ну и что, делов-то – черновик, но для него утрата этого жалкого листка, выданного из тетрадки в клеточку, была равносильна утрате партийного билета в не столь далекие времена. Да и тогда чем ему это грозило? Ну, выгнали бы из партии, понизили в должности. Можно пережить! Ведь речь не шла о счастье всей его жизни, как теперь. Листок надо найти, но как?

И к тому же пропал тот, кто давал ему эти странные послания. Он пытался связаться с нами по межгороду, но ровный голос телефонистки раз за разом отвечал, что вызываемый абонент не подходит к аппарату. Когда она сказала это в пятый раз, а часы показывали около полуночи, он похолодел.

Долгая жизнь отучила его бояться, он умел принимать решения, но сейчас растерялся. Сердце подсказывало: надо мчаться обратно и все выяснить на месте, а рассудок требовал остаться здесь и довести дело до конца. Кого он послушается, маленький мужчина еще не решил. Напрасно он терзал свою густую седую шевелюру, дельных мыслей в голове не прибавилось. Наконец к утру его осенило. Надо пойти по адресу, по которому он отправил два последних письма, и там сориентироваться.

Он сам удивился, как это раньше ему не приходила в голову такая простая мысль. Ведь он занимался этим делом уже так долго, а толком ничего не знал о нем. Мужчине не нужно было беспокоиться, что его могут узнать. Годы прилично его изменили, да он и не будет лезть на глаза. А если даже его и узнают, беды большой нет. Мало ли почему он мог оказаться в этом городе. Никакой связи между ним и посланиями вычислить не смогли и более расторопные сыщики, чем те, что сидели в местном отделении милиции.

На следующий день мы с Маришей первым делом потащили Андрея к клоунам. Все они единодушно отрицали тот факт, что кто-то мог украсть у них обувь, в которой они выступают.

– Это просто бред! – откровенно заявил нам Иннокентий. – Кому могли понадобиться мои туфли? Они такие вонючие, что я их даже не запираю в шкаф. Валяются, где угодно. Конечно, любой мог взять.

Мы с Маришей вышли от него вконец разочарованные.

– Погодите, девчонки, – догнал нас Андрей. – Не вешайте носа. Это Кеша что-то темнит. Сколько я людей повидал на свете, а такого скопидома не видывал. Да чтобы он оставил хоть замусоленный карандаш без присмотра, ни в жизнь не поверю. А уж про свои драгоценные туфли и вовсе говорить нечего. Он над ними трясется, словно мать над младенцем. Его это следы там и были. Только почему-то он не хочет в этом признаваться.

– Отставной любовник Алины, человек недобрый, у него был доступ к ножам, и он постоянно был в курсе перемещений Алины, – принялась рассуждать Мариша. – То есть вполне подходит на роль убийцы и маньяка. Только не совсем понятно, кто же тогда писал письма? Почерк-то не его.

– Андрей, а долго Иннокентий тут работает?

– Да лет шесть, – прикинул Андрей.

– Значит, он тут уже был, когда директором стал Карабас?

– Пожалуй, да, – кивнул Андрей.

– Тогда мы и не могли видеть его анкеты, а значит, и его почерка, – сказала я. – Нужно добыть образец.

– Не трудись, милицию уже посетила эта удачная мысль, – остановил меня Андрей. – Сегодня они заставили всех написать одну и ту же дурацкую фразу сначала правой, а потом и левой рукой.

– Какую фразу? – поинтересовалась я.

– «Я хочу видеть, как ты будешь валяться у меня в ногах и молить о пощаде», – с подозрительной готовностью процитировал Андрей. – Все исписанные бумажки они увезли с собой. Так что если письма писал кто-то из наших, то милиция его живо вычислит по почерку.

– А вдруг он просил кого-нибудь со стороны и писать, и отправлять за него эти письма? – не сдавалась я.

– Из города в город он этого «кого-нибудь» за собой таскал? – рассердился Андрей. – Письма ведь следовали за Алиной по пятам. А мы много мест сменили за последние полгода. Посторонним затруднительно узнать ее новый адрес, а маньяк очень быстро узнавал. Максимум через две недели после приезда на новое место Алина получала от него весточку.

Затем Андрей ушел на выступление. А мы отправились бродить по ярмарке, стараясь услышать что-то новое. Слухов была масса. Например, одни говорили, что вместо номера Никиты Карабас собирается пригласить из Волгоградского цирка каких-то удивительных акробатов, которые просто чудеса на арене выделывают. Другие уверяли, что это чушь, а в шоу снова возьмут дрессированных медведей. В общем, Василию с его тараканами-гигантами приходилось еще ждать. Впрочем, тараканы были еще совсем глупыми и пока что могли только шевелить усами и разбежаться по углам. Экая, как говорится, невидаль.

Затем мы наткнулись на бездельничавшего Кирилла, которому полагалось бы скакать сейчас на горячем коне по арене, но, как пояснил он нам, у него стресс. Его допрашивала милиция по поводу его связи с Алиной, он вспомнил все в мельчайших деталях, и теперь ему грустно и скверно.

– И чего спрашивали? – жадно набросилась на него Мариша.

Кирилл скорбно посмотрел на нее и закатил глаза к небу.

– Главным образом интересовались моим алиби и размером обуви, – наконец сообщил он. – Алиби у меня не было. С тех пор, как расстался с Алиной, я живу один, и в момент ее убийства, если оно вообще было, я спал. Кстати, вы точно уверены, что у щита видели именно Алину?

– А то кого же? – мрачно насупившись, спросила я.

– И она была мертва?

Мы кивнули.

– Пойду напьюсь! – решил Кирилл. – Помяну бедняжку.

– Постой, а что у вашего клоуна с алиби? – остановила его я.

– У Кеши? У этого типа всегда все в полном порядке. Его алиби подтвердили сразу двое. Он явился к ним, когда еще светло было, и притащил бутылку. Потом они докупали, и так втроем весь вечер соображали, так что досображались до полного выпадения в осадок,

и, конечно, хозяева оставили нетранспортабельного Кешу ночевать у себя. Когда прибыла милиция, все трое спали мертвецким сном, их и добудиться не смогли.

– И у кого он угощался? – поинтересовалась я.

– У наших горе-электриков, – сказал Кирилл.

Какое-то смутное подозрение шевельнулось у нас при этих словах.

– А разве они дружны? – спросила Мариша у Кирилла. – Не замечала.

– Дружны, не дружны, какая разница, с кем пить, – огрызнулся Кирилл. – Когда на душе скверно, можно и с незнакомым человеком выпить. Кешке одному тоже несладко, он в Алину здорово втрескавшись был. Никак не ожидал, что она от него ко мне сбежит. Мне-то легче. Кто я против Ростислава? Понятное дело, девушка не устояла. Любая бы на ее месте не устояла. А вот у Кешки и такого оправдания для нее нет, сбежала от него ко мне – и все дела.

– Так это же давно было! Почти год назад! – уточнила Мариша.

– Ну и что, старая любовь долго не ржавеет. А Алина такая девка была, что ее забыть непросто, – сказал Кирилл. – Так что неудивительно, что Кеша решил напиться и забыться. С кем подвернулся случай, с теми и выпил. Странно только, что он ко мне не пришел. Обычно он со мной по поводу Алины выпивал.

– А в этот раз клоун, стало быть, выбрал себе других собутыльников, – задумчиво произнесла Мариша, когда Кирилл ушел. – Конечно, возможно, Кирилл ему надоел, и он просто хотел пообщаться с новыми людьми, а может, и нет...

– Хотел, чтобы алиби у него выглядело безупречным, это понадежнее, чем квасить с Кириллом! – подхватила я.

– Ну, это слишком сложно. Откуда бы Кешке знать, в котором часу будут убивать Алину и что вообще ее будут убивать именно прошлой ночью. Если подозревать Кешу, то получается, что Алинино убийство было тщательно спланировано и назначено на определенное время. Нет, очень сложно, – возразила Мариша.

– И все-таки я бы не назвала Жеку и Василия интересными собеседниками. Да еще эти его насекомые, которые всюду ползают, – сказала я. – Лично у меня от Василия с его планами насчет своих тараканов просто мозги слипаются, а от самих тараканов мороз по коже бежит. Так что если выбирать между ними и Кириллом, то я бы, конечно, пошла к Кириллу. А вот если бы мне понадобилось алиби, то, на месте Кеши, я пошла бы к кому угодно, но только не к Кириллу.

– А что, интересно знать, думает о случившемся наш режиссер? – внезапно произнесла Мариша.

Уследить за направлением мыслей моей подруги всегда было делом непростым. Но не прошло и двух часов, как мы стояли возле того самого огромного нового дома у метро «Академическая», возле которого я уже была один раз вместе с живой Алиной. Теперь стало совершенно очевидно, что заместитель Никаловского ездил именно к своему шефу. Адрес режиссера нам удалось раздобыть у Андрея. Верней, у него был номер домашнего телефона режиссера.

Но в наш век новых технологий узнать адрес человека по имеющемуся номеру телефона – это пара пустяков. Мы позвонили моему братцу, и он охотно предоставил нам всю информацию о том, где и с кем живет наш режиссер. А если точнее, то в данной квартире были прописаны две женщины, но никаким режиссером Никаловским по компьютеру там и не пахло.

Входная дверь распахнулась на первый же звонок, и наши подозрения развеялись. На пороге стоял толстенький режиссер. Грудь и выпуклый живот обильно покрывала курчавая растительность, остатки коей сохранились и на голове. Весь правый глаз закрывал огромный синяк, а сам режиссер выглядел так, словно его изрядно помотало по колючему кустарнику. Одет он был по-домашнему, то есть в боксерские трусы, которые были ему малость

великоваты и доходили почти до колен, образуя юбочку в миленькую клеточку с цветочками и дракончиками.

Мы с Маришей дружно сглотнули и, с трудом переводя дыхание, удержались на ногах.

– А мы к вам, – сообщила ему Мариша, по-прежнему не отрывая глаз от дракончиков, охотно резвившихся на режиссерских трусах.

– Девочки, Валентин совсем меня не слушает? Мне нужна одна девушка, – обиженно протянул Никаловский. – Одна девушка-негрityанка. А вы обе белые. Вы мне не подходите.

И он вознамерился захлопнуть дверь у нас перед носом. Я успела всунуть в щель ногу, а Мариша сильно толкнула дверь, от чего режиссера отбросило в глубь квартиры.

– Вы что? – плаксиво осведомился он, видя, что мы все-таки вошли внутрь. – У меня для вас ролей нет.

– А как же несчастная баронесса, в которую мечет ножи злодей в черном плаще? – осведомилась Мариша. – Место ведь вакантно? Одна из нас точно подойдет на эту роль.

– Ничего нет свободного, – сказал толстяк, но по тому, как забегали его глазки, стало ясно, что он врет.

– А вот врать нехорошо, – внушительно сказала Мариша, поднимая толстяка режиссера с пола и бросая его в кресло. – Вы ведь уже разговаривали с Алиной, и она сказала вам, что больше не будет сниматься в вашем дешевом фильме.

– Ничего подобного, – отказался режиссер. – Мы с ней только вчера встречались, она ни словом не обмолвилась о том, что собирается отказаться от съемок. Напротив, она говорила, что уже почти здорова. Девочки, вас кто-то ввел в заблуждение.

– И в котором часу вы с ней расстались? – спросила я.

– А какое, собственно, ваше дело? – окрысился режиссер.

– Повежливей, – осадила я его и сунула под нос милицeйское удостоверение.

Понятное дело, фальшивое. Мне его сделал один Инкин приятель, промышлявший подобным бизнесом. Грубовато сработано, рассчитано же исключительно на не слишком сведущего человека, каким и был режиссер. Во всяком случае разговаривать с ним стало значительно легче. К тому же режиссер почему-то страшно перепугался, на него было жалко смотреть.

– Вас видели с Алиной, да и вы сами только что признались, – добавила Мариша. – Так что отпираться бесполезно, лучше расскажите, как было дело, облегчите совесть. Куда вы с ней поехали?

– Да куда мы не поехали, – вздохнул все еще мертвенно-бледный режиссер.

– Ай, ай, – притворно расстроилась Мариша. – А зачем обманывать? Вы ждали ее на повороте в Девяткино, нервничали, курили. Потом она появилась, и вы с ней отправились дальше. Куда?

– А почему бы вам не спросить у самой Алины? – насупился толстяк. – В конце концов это ее приятель напал на нас.

– Никита? – удивилась я.

– Черт меня дернул поддаться на Алькины уговоры и взять эту банду к себе в кино, – внезапно прорвало режиссера. – Не посмотрел, что она предлагает, и взял, а ведь знал же, что хлопот не оберешься. Они на меня волками смотрели, все в этом цирке, а что я им сделал? Да я никого из них и в глаза не видел раньше, но нет, чем-то я им все-таки не нравился. Особенно тому, который в нее ножи метал. Просто злодей какой-то с большой дороги. Он на нас вчера так налетел, что я думал, живым уже не буду.

– Поподробней, пожалуйста.

– Догнал нас на своей развалюхе, дорога там была плохая, мы с Алиной ехали гуськом к нашему любимому местечку на Капральев ручей. Есть у нас там одно такое славное местечко возле самой воды. Природа, птички, свежий воздух и все такое. Так вот, доехать

нам туда не удалось. Никита рванул к нам прямо по полю. Остановился посреди дороги, и мне, разумеется, пришлось остановиться. Он очень некрасиво себя вел. Алина сказала ему, чтобы он ехал домой, что она тоже скоро вернется, но не тут-то было. Он кричал, что больше ни Алина, ни кто-либо из цирка сниматься у меня не будет, а Алина же сказала, чтобы он не валял дурака. Он ей не хозяин, она сама знает, как ей жить. Я даже как-то неловко себя чувствовал, они орали друг на друга, а про меня вроде бы забыли. Я попытался вмешаться, но только навредил. Алина шепнула мне, чтобы я отдал этому ослу его договор, села в свою машину и укатила, оставив меня разбираться с этим типом.

– И что было дальше? – поинтересовалась я, несколько бестактно разглядывая заплывший глаз режиссера.

– Потом мы поехали ко мне домой, и я вернул ему наш договор, который мы с ним заключили.

– Только его? – спросила я.

– Его и всей их братии, – неохотно сказал режиссер. – Сначала я не хотел, не то чтобы они были мне так нужны, но он вел себя по-хамски, и я тоже уперся. Но время шло, он не уходил, стемнело, мне захотелось спать, и я решил отдать ему его чертovy бумажки.

– И он ушел? – спросила Мариша.

– Выкатился как миленький с таким торжеством, что смех брал.

– И в котором часу это знаменательное событие произошло?

– Я не смотрел на часы, – пожал плечами режиссер. – Но уже давно стемнело.

– Ну хотя бы примерно постарайтесь припомнить, – попросила я.

– Говорю же, не помню, – покачал головой режиссер. – Хотя постойте, как только он ушел, я машинально включил телевизор и пощелкал каналы. Так вот, по ТВ-3 шел мой любимый фильм «Формула любви». Там как раз Фарада сетовал на дикie нравы, царящие в России.

И Никаловский быстро схватил программу передач, лежащую на столике возле него.

– Смотрим. Если верить программе, фильм начался в 23.30. Значит, учитывая рекламные блоки, мой гость избавил меня от своего присутствия где-то около полуночи. Вам это о чем-то говорит? Кстати, а что случилось? Он где-то еще наскандалил? Почему вы им интересуетесь? Драку учинил?

– Почему вы так решили? – спросила я.

– Ну как же, – пожал плечами режиссер, – мне показалось, что он собирается еще куда-то ехать. То есть перед тем, как вернуться к Алине, у него было еще какое-то дело. Перед уходом он взглянул на часы и пробормотал, что уже поздно. Вроде бы опасался куда-то не успеть. Вот я и подумал, что в таком взвинченном состоянии он мог ого-го сколько дров наломать. Напился, наверное? Вы уж его не судите строго, его тоже можно понять.

– Если человек за рулем напился, то тут сочувствовать нельзя, – строго сказала Мариша.

– С чего вы взяли? И вовсе он не за рулем был, – возразил режиссер. – Его машина как застряла в канаве, когда он нам дорогу у Капральего ручья преграждал, так и осталась там. Он ее вытаскивать не стал. Мы в город на моей машине вернулись.

– Последний вопрос, а как вы вообще познакомились с Алиной? – спросила у толстяка Мариша.

Как ни странно, успокоившийся было режиссер снова заволновался, его лоб покрылся испариной, а сам он побледнел.

– Как познакомился? – повторил он вопрос. – Нас кто-то познакомил, не помню сейчас кто. На какой-то вечеринке, несколько лет назад. Но какое это имеет значение сейчас?

– Может быть, никакого, а может быть, и самое важное, – произнесла Мариша мрачным голосом, сразившим знавшего толк в эффектных сценах режиссера наповал.

Во всяком случае ноги у него подкосились, он бухнулся в кресло и провожать нас к дверям не пошел. Пришлось еще немного похвалить его творчество, чтобы он оклемался. Выйдя от подобрешего режиссера, который в конце концов предложил нам сняться в его фильме, мы с Маришей переглянулись. Мы отлично помнили, что вернулся ночью Никита весь в грязи, а руки у него были исцарапаны и в крошках краски. Мы еще подумали, где это он так извалялся. Но когда под утро Никиту увозили в милицию, его машина уже стояла на стоянке. Грязная и помятая, но она была там. И Никита еще попросил Андрея присмотреть за ней и ключи отдал. Выходит, от режиссера Никита отправился выручать свою машину. Или сначала прикончил Алину, а потом отправился выручать машину?

– Нет, – покачала головой Мариша. – По времени бы не уложился. Между убийством и его появлением прошло слишком мало времени. Он не успел бы смотаться к тому месту, в темноте вытащить машину из канавы и вернуться обратно.

– А если сначала вытащил машину, а потом прикончил Алину? – вслух предположила я.

– Тоже как-то странно, – сказала Мариша. – И опять же по времени не успевал. До этого Капрального ручья, где он оставил свою машину, просто так из Девяткино среди ночи не доберешься. Обязательно нужна машина. Никита это прекрасно понимал, и если ему так уж приспичило среди ночи выручать свою развалюху, то он должен был бы поймать тачку в городе и сговориться, чтобы его довезли хотя бы до Токсовского шоссе. И вообще после вытаскивания машины из канавы у меня лично вся охота еще что-то предпринимать отпала бы. Тут бы добраться до постели и заснуть. И судя по всему, Никита это и намеревался сделать.

В то время, когда Никита сидел в милиции и в пятый раз рассказывал лейтенанту Гривцову и прочим ментам о том, как всю ночь вызволял из канавы свою машину, вызванное из города подкрепление обыскивало округу в поисках пропавшего тела Алины или хотя бы его следов, а то и холмика, напоминавшего свежее захоронение. Так и не найдя ничего подобного, группа сотрудников, обследовавшая местность возле Капрального ручья, вернулась с отчетом.

– На дороге, ведущей к ручью, нами обнаружены следы трех машин, – доложил лейтенанту старший оперативный работник Сергеенко. – Одна из трех машин застряла в канаве, и кто-то, похоже, всю ночь пытался вытащить ее.

– Откуда тебе известно, что всю ночь? – сварливо спросил у него Гривцов.

– Следы совсем свежие, а если судить по количеству веток и палок, которые этому человеку пришлось подложить под колеса машины, то можно примерно определить и время, потраченное им на эту работу, – невозмутимо пояснил Сергеенко. – Машина застряла в канаве посреди поля, до ближайшего лесного массива там метров сто. Тому человеку пришлось сходить за сучьями раз двадцать, и еще плюс время на сбор палок и сучьев. Даже при свете дня на один поход до рощи и обратно уже с ветками у меня ушло около четверти часа. Значит, ночью это у него занимало минут двадцать – двадцать пять.

Лейтенант выслушал доклад с кислой миной. Он полностью опрокидывал его теорию причастности к убийству задержанного. Оставалась крохотная надежда, что все-таки машину вытаскивал сообщник или вообще это была другая машина, но увы, противный опер притащил с собой слепки следов, которые направили на экспертизу. Но и так было видно, что обувь та самая, что и сейчас на задержанном, а следы шин идентичны тем, что имеются на его машине.

Пришлось отпустить задержанного, взяв с него подписку о невыезде. Лейтенант призадумался. Конечно, среди подозреваемых оставались еще брошенные любовники, но на убийство девушки кто-то из них мог пойти только в том случае, если бы твердо был уверен, что к нему Алина больше не вернется. А как тут будешь уверен, если Алина столь легкомыс-

ленна. Нет, любовников следовало оставить на потом, а пока посмотреть, что за обстановка в труппе.

Итак, кому из циркачей было бы выгодно подставить Никиту? А в том, что парня пытались подставить, не было никакого сомнения. Иначе зачем преступнику или преступникам идти на риск, тащить Алину в шатер, приковывать, а перед этим еще и воровать ножи, хранящиеся в тайнике. И тут лейтенанта осенило. Стоило найти человека, который ненавидел Алину, и того человека, кому было бы выгодно устранить Никиту, и преступник обнаружен. И конечно, еще эти проклятые письма.

– Что там с анонимками? – крикнул он в открытую дверь. – Есть уже хоть какие-то результаты?

– Насчет идентичности почерка образцов, привезенных с ярмарки, и самих писем пока ничего, но про характер человека, писавшего эти письма, я могу тебе кое-что рассказать, если ты оторвешься от стула, – сказал Сергеенко.

Лейтенант тут же подошел к оперу.

– Автор – человек средних лет, даже скорей пожилой, – начал Сергеенко. – Всю жизнь занимался интеллектуальным трудом. Большое расстояние между строками и неравные по размеру буквы указывают на мечтательность, богатое воображение, идеализм и талантливость. Почерк неровный, и иногда буквы задевают росчерком нижнюю и верхнюю строки. Это указывает на сообразительность и умение вникать в дело, а также честность и порядочность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.